

АВТОБИОГРАФИЯ

БЕАР
ГРИЛЛС

Грязь,
ПОТ И СЛЕЗЫ

Беар Гриллс Грязь, пот и слезы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4949862

Грязь, пот и слезы: ЗАО Издательство Центрполиграф; М.; 2012

ISBN 978-5-227-03795-4

Аннотация

Известный британский путешественник, телеведущий и писатель Беар Гриллс рассказывает о том, как и почему умение выживать любой ценой стало его профессией. Еще в детстве он увлекся физкультурой, много и упорно тренировался, лазал по горам, висел на турнике, выдумывал способы сбежать из запертого помещения, выходил в море на маленькой парусной лодке и наслаждался ощущением опасности. Позже, повзрослев, Гриллс прошел суровые испытания отбора в САС (британский спецназ), а затем, после нескольких лет службы в нем, осуществил главную мечту своей жизни – восхождение на Эверест. Автор подробно описывает, как готовился к этому событию и какие трудности ему пришлось преодолеть в достижении своих целей.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	46
Глава 21	47
Глава 22	49
Глава 23	51
Глава 24	53
Глава 25	55
Глава 26	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бед Гриллс Грязь, пот и слезы

Маме – с благодарностью

Пролог

Мороз – минус двадцать градусов. Я растираю пальцы, но они все равно коченеют от холода. Сказывается давнишнее обморожение. Думаю, еще с Эвереста.

– Ты готов, дружище? – с улыбкой спрашивает оператор Саймон.

Он сам и вся аппаратура уже полностью готовы.

В ответ я тоже улыбаюсь, скрывая необычное волнение.

Внутренний голос о чем-то предупреждает.

Но я его не слушаю.

Пора приступать к работе.

Ребята говорят, что сегодня утром укутанные снегом Канадские Скалистые горы выглядят особенно потрясающе. Я это едва замечаю.

Сейчас самое время обратиться к моему сокровенному «я». Это лучшая часть моего существа – отсюда приходят способность к полной сосредоточенности, смелым решениям и скоординированным действиям, умение быстро оценить ситуацию и правильно отреагировать. Я знаю ее лучше всего, но обращаюсь к ней крайне редко.

Предпочитаю пользоваться ею экономно. Лишь в таких случаях, как сейчас.

Подо мной триста футов крутого склона изо льда и снега. Спуск очень крутой, но преодолимый.

Я неоднократно совершал стремительный спуск по отвесным кручам. «Поменьше апломба!» – говорит мне внутренний голос. Он всегда прав.

Последний глубокий вдох. Взгляд на Саймона. Молчаливый кивок в ответ.

Все как обычно, но я уже чувствую, что мы пересекли некую роковую черту. Однако ничего не предпринимаю.

Я отталкиваюсь и совершаю прыжок.

И мгновенно оказываюсь во власти бешеной скорости, увлекающей меня вниз. Обычно мне это нравится. На этот раз я нервничаю.

Прежде я никогда не нервничал в этот момент.

Меня тревожит какое-то предчувствие.

Вскоре я лечу вниз со скоростью больше сорока миль в час. Ледяной склон проносится мимо всего в нескольких дюймах от головы. Это мой мир!

Скорость стремительно нарастает. Приближается гребень горы. Пора остановиться.

В мгновение ока я разворачиваюсь лицом к склону и вонзаю ледоруб в снег. В воздух взлетает облачко сверкающих кристаллов снега и льда. Налегая всем телом, я еще глубже вонзаю ледоруб в толстый слой слежавшегося снега и резко затормаживаю.

Все как всегда. Все тик-так. Полная уверенность. Редкостное ощущение абсолютной ясности сознания и спокойствия духа.

Но это состояние мимолетно, и вот оно покидает меня.

Я неподвижно лежу на снегу.

Вокруг безмолвный покой. И вдруг – как гром среди ясного неба!

Прямо мне в левое бедро на скорости больше сорока пяти миль в час врезается Саймон на своих тяжелых деревянных нартах и с цельнометаллической станиной кинокамеры. Мгновенный взрыв, в котором смешиваются острая боль, грохот и искристый сноп взрытого снега.

Как будто на меня налетел товарный состав. И меня сбрасывает с горы, как тряпичную куклу.

Время останавливается. Перед моим внутренним взором медленно проплывает вся моя жизнь.

И все же в эту долю секунды в голове мелькает мысль: «Отклонись сани хоть на один градус – и удар пришелся бы по голове». Наверняка эта мысль должна была стать моей последней.

Но я корчусь от боли.

И плачу. Это слезы облегчения и радости.

Я ранен, но жив!

Я вижу вертолет, но шума мотора не слышу. Затем больница. С тех пор как я начал сниматься для программы «Человек против дикой природы / Прирожденный выживатель: Беар Гриллс», мне пришлось побывать во многих больницах. Терпеть их не могу.

Стоит мне закрыть глаза, и все они встают в памяти.

Грязная, забрызганная кровью приемная неотложной помощи во Вьетнаме – это когда я отсек себе полпальца в джунглях. С больными там особо не церемонились.

Потом был обвал в горах на Юконе. Не говоря уже о камнепаде на Коста-Рике, когда с высоты рушились громадные валуны. Обрушение шахты в Монтане, столкновение с морским крокодилом в Австралии. А еще – огромный тигр, на спину которого я свалился на одном из островов Тихого океана, или укус ядовитой змеи на Борнео.

Несчетное число опасных ситуаций.

Каждую не упомнишь. Казалось бы, все плохо.

Но нет, все хорошо. Ведь я жив.

Это слишком хорошо, чтобы помнить о неприятностях. Такова уж жизнь.

Я улыбаюсь.

На следующий день я забываю о катастрофе. Для меня она осталась в прошлом. Всякое случается, и никто в этом не виноват.

Но урок запомнился.

Прислушивайся к инстинкту.

Я продолжаю жить.

– Эй, Сай, я в полном порядке. Но когда мы отсюда выберемся, с тебя бутылка «Пина колады». Да! И еще я пришлю тебе счета от эвакуаторов, доктора и физиотерапевта.

Он хлопает меня по руке. Я люблю этого парня.

Там, в Канадских Скалистых горах, с ним мы прожили часть жизни.

Я смотрю на пол: там валяются мой разодранный комбинезон, окровавленная куртка, разбитая миникамера и треснувшие защитные очки.

И я думаю: когда же это безумие стало моей жизнью?

Часть первая

*Молодые слишком много знают,
чтобы быть осторожными,
и потому пытаются
совершить НЕВОЗМОЖНОЕ —
и поколение
за поколением
достигают в этом
УСПЕХА*

Перл Бак¹

¹ Перл Бак (1892–1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Глава 1

У моего прадеда Уолтера Смайlsa была одна заветная, страстная мечта. Стоя на берегу Северной Ирландии, которую он любил глубоко и преданно, вдыхая солоноватый морской воздух, он устремлял взор на виднеющийся вдали остров Копленд графства Даун. Он поклялся себе, что когда-нибудь начнет новую жизнь именно здесь, на мысу Портаво, на берегу этой дикой, продуваемой ветрами бухте.

Он мечтал нажать состояние, жениться на любимой девушке и построить для нее у маленькой бухточки дом, окна которого будут выходить на прекрасный берег Ирландии. Этой мечте суждено было определить всю его жизнь до самого конца.

Предки Уолтера были людьми скромного происхождения, но отличались необыкновенным трудолюбием, предприимчивостью, преданностью семье. В 1859 году его дед Самуэль Смайле написал оригинальное поучительное сочинение под названием «Помощь себе»². Эта выдающаяся работа сразу стала бестселлером и пользовалась у читателей даже большей популярностью, чем вышедшая в том же году книга Чарлза Дарвина «Происхождение видов».

Книга Самуэля «Помощь себе» пропагандировала мысль, что в основе личного успеха лежат упорный труд и настойчивость. В Викторианскую эпоху, когда англичанин считал, что при наличии достаточной энергии и амбиций он сможет завоевать весь мир, эта книга вызвала живейший отклик. Она стала важнейшим руководством, вдохновляющим рядового человека на стремление к успеху. И главное, в ней утверждалось, что благородство человека определяется не его рождением, а поступками. Она открывала читателю простые секреты интересной, содержательной жизни и успеха.

Богатство и высокое положение не обязательно связаны с истинно джентльменскими качествами. Бедняк с большой душой во всех отношениях выше богача с бедной душой. Выражаясь словами святого Павла, первый, «не имея ничего, имеет все», тогда как второй, имея все, не имеет ничего. Настоящая нищета состоит только в нищете духа. Тот же, кто потерял все, но не утратил мужества, оптимизма, добродетели и чувства собственного достоинства, остается богатым.

Для аристократического, пропитанного сословным духом общества Англии Викторианской эпохи это были революционные идеи. Желая разъяснить свою мысль (и, несомненно, мимоходом уколоть вскормленную веками аристократическую спесь), Самуэль снова подчеркивает, что звание джентльмена необходимо заработать: «Путь к величию не бывает легким».

Самуэль Смайле заканчивает свою книгу следующим трогательным рассказом о генерале, подлинном джентльмене.

Для джентльмена характерны самопожертвование и забота о других даже в мелочах... Мы можем привести пример доблестного сэра Ральфа Эберкромби. Когда он был смертельно ранен в сражении при Абукире, ему под голову подложили сложенное солдатское одеяло, отчего ему стало гораздо легче.

² Книга английского писателя-моралиста и пропагандиста самовоспитания Самуэля Смайlsa (1816–1903) Self-Help была издана в России в 1866 г. под названием «Самодеятельность».

Он спросил, что это.

– Просто солдатское одеяло, – ответили ему.

– Чье одеяло? – спросил генерал, с трудом приподняв голову.

– Одного из солдат.

– Я спрашиваю имя человека, кому принадлежит это одеяло.

– Дункан Рой, из 42-го полка, сэр Ральф.

– Тогда проследите, чтобы сегодня же вечером одеяло было у Дункана

Роя.

Даже ради облегчения своих предсмертных страданий генерал не пожелал, чтобы рядовой солдат хоть одну ночь провел без одеяла.

Как писал Самуэль: «Истинная храбрость и доброта идут рука об руку».

В семье вот с такими нравственными представлениями и рос мой прадед Уолтер, питая дерзкие надежды.

Глава 2

Во время Первой мировой войны прадедушка Уолтер неудержимо рвался в бой. Его отмечали как одного из тех «редких офицеров, которые находят полное удовлетворение лишь в активных действиях».

Он получил аттестат летчика-пилота, но, поняв, что из-за недостатка самолетов вряд ли ему придется летать, перевелся младшим лейтенантом в морской королевский дивизион бронемашин – недавно созданное Уинстоном Черчиллем специальное военное подразделение.

В отличие от британских офицеров, брошенных на Западный фронт, где они долгие месяцы прозябали в окопах, он побывал почти на всех фронтах, и здесь был в своей стихии. Командир Уолтера сообщал в официальном донесении: «Стоит отметить неунывающую бодрость, с какой лейтенант Смайле относится к опасности и различным трудностям».

Затем он был откомандирован в русскую царскую армию для участия в борьбе против турок на Кавказском фронте. Здесь Уолтера начали быстро повышать в звании: в 1915-м – лейтенант, в 1917-м – капитан-лейтенант и в 1918-м – капитан. За это время он получил несколько наград, среди них орден «За выдающиеся заслуги» (1916) и нарукавная нашивка за службу вне метрополии (1917), а также русские и румынские награды. В 1919 году он был упомянут в приказе, опубликованном в печати.

В представлении к первому ордену говорится: «28 ноября 1916 года он был ранен в Добрудже. Выйдя из госпиталя, добровольно возглавил эскадрилью, отправленную на специальное задание в районе Браилы, главным фактором успешного выполнения которого стала его личная храбрость».

Однажды во время боя ему пришлось дважды вылезать из своего легкого броневика под густой огонь противника, чтобы завести заглохнувший мотор. Получив ранение, он скатился в траншею, где и провел весь день под бомбежкой. Несмотря на ранение, Уолтер уже через сутки вернулся в свое подразделение, горя желанием ринуться в бой. Вскоре он снова вывел свой броневик на поле сражения. Уолтер показал себя стойким и отчаянно храбрым солдатом.

В статье, опубликованной в 1917 году в «Русском журнале», говорится, что Уолтер был офицером редкой отваги и прекрасным товарищем. Русский командир писал командиру Уолтера: «Беспримерное мужество и отвага капитан-лейтенанта Смайлса вписали блестящую страницу в историю Британских вооруженных сил и позволяют мне просить для него высокой награды, а именно – ордена Святого Георгия IV степени». В то время этот орден был высочайшей наградой за храбрость, которой русские отмечали офицеров.

Откровенно говоря, в детстве я думал, что мой прадед с его именем Уолтер должен быть очень суровым и серьезным. Но, покопавшись в документах, я обнаружил, что на самом деле он был невероятно отчаянным и обаятельным человеком. Еще мне очень понравилось, что на семейных фотографиях Уолтер чрезвычайно похож на Джесса, моего старшего сына. Это сходство всегда вызывает у меня довольную улыбку. Приятно, когда твой сын похож на такого незаурядного человека! Награды Уолтера украшают стены нашего дома, но я никогда до конца не понимал, каким он был храбрецом.

После войны Уолтер вернулся в Индию, где работал раньше. Его запомнили как хозяина, который «дружелюбно обращался с местными рабочими на принадлежащей ему чайной плантации и проявлял глубокое сочувствие к борьбе людей «низших каст» за свои права». В 1930 году его произвели в рыцари, и он стал называться сэром Уолтером Смайле.

Возвращаясь в Англию на пароходе, Уолтер встретил свою будущую жену Маргарет. Маргарет была красивой и смелой женщиной средних лет, очень независимой по натуре: она увлекалась игрой в бридж и в поло, терпеть не могла людей мелких и ограниченных. Сидя со стаканом джина и тоника на палубе транспортного корабля за игрой в карты, она меньше всего думала о любви. Но так случилось, что во время игры она познакомилась с Уолтером. Любовь часто приходит совершенно неожиданно и круто меняет твою жизнь.

Вскоре после приезда в Англию они поженились, и, несмотря на «зрелый» возраст, через некоторое время Маргарет, к своему ужасу, забеременела. Для леди, перешагнувшей рубеж в сорок лет, рожать было просто неприлично, во всяком случае так считала она и старалась всеми силами прервать беременность.

Моя бабушка Пэтси (тот самый ребенок, которого вынашивала Маргарет) рассказывала, что ее мать немедленно принялась делать три вещи, полностью противопоказанные при беременности. Оседлав коня, она пускалась в бешеную скачку, после чего, выпив пол бутылки джина, часами парилась в ванне с очень горячей водой.

Эти меры не помогли (хвала Господу!), и в апреле 1921 года у Уолтера и Маргарет родился их единственный ребенок – девочка Патриция (или Пэтси), моя бабушка.

Вернувшись из Индии в Северную Ирландию, Уолтер наконец осуществил свою давнюю мечту. Он построил для Маргарет дом на том самом мысу в графстве Даун, где эта мечта и зародилась.

Одаренный истинно дипломатическим чутьем и острым умом, он увлекся политической деятельностью и позднее был избран делегатом парламента Северной Ирландии от графства Даун, входящего в состав провинции Ольстер, где он и служил верой и правдой.

Однако всему этому суждено было измениться в роковую субботу 30 января 1953 года. Накануне, в пятницу, Уолтер собирался самолетом вернуться из Лондона, где он заседал в парламенте, домой, в Ольстер. Но к вечеру территория Соединенного Королевства оказалась во власти такого страшного циклона, которого жители не видели больше десяти лет. Естественно, его рейс был отменен, и ему пришлось добираться до Странрара, что находится на берегу Шотландии, ночным поездом.

На следующий день Уолтер взошел на паром «Принцесса Виктория», отправляющийся в Ларн, Северная Ирландия. Несмотря на то что в море бушевал страшный шторм, пассажиры заверили, что паром абсолютно надежен. Время – деньги, и в назначенный час паром отошел от пристани.

Жители Ларна и Странрара до сих пор с ужасом вспоминают ту ночь. Произошла катастрофа, которой можно было избежать: люди безрассудно бросили вызов природе и погибли.

Урок на будущее: никогда не теряй благоразумия и осмотрительности.

Глава 3

Дом Уолтера и Маргарет, с любовью построенный на высоком берегу моря в Донахади, был известен под названием Портаво-Пойнт.

Из него открывался великолепный вид на морской простор, и в ясную погоду можно было различить вдали крошечные острова.

Это место было и есть поистине волшебное.

Но не в ту ночь.

Стоя на палубе стального судна с плоским днищем, Уолтер смотрел на удаляющийся берег Шотландии. Море становилось все более бурным, затрудняя продвижение парома. И вот всего в нескольких милях от места назначения в Северной Ирландии «Принцесса Виктория» оказалась в эпицентре одного из самых яростных ураганов, которые когда-либо разыгрывались в Ирландском море.

Поначалу паром держался, но из-за недостатков конструкции его кормовые ворота начали поддаваться под напором воды. Вода стала проникать на палубу, с каждой минутой ее становилось все больше и больше, громадные волны перекачивались через борт, и постепенно судно утрачивало способность к маневрированию и продвижению вперед.

Насосы не успевали откачивать воду. Протечка кормовых ворот и невозможность избавиться от излишка воды – убийственное сочетание во время любого шторма. С минуты на минуту море грозило затопить судно.

Вскоре «Принцесса Виктория», которую силой ветра развернуло бортом поперек волн, стала нырять носом и заваливаться на бок от прибывающей в трюм воды. Капитан приказал спустить на воду спасательные шлюпки. Выживший после шторма свидетель рассказал Высшему суду Ольстера, как он слышал распоряжения Уолтера: «Несите спасательные жилеты детям и женщинам!» Под свист и завывание ветра капитан и экипаж рассаживали перепуганных пассажиров в шлюпки. Никто не знал, что они спускают женщин и детей навстречу гибели.

Когда шлюпки были спущены на воду, пассажиры оказались в опасной зоне между корпусом судна и свирепыми налетающими волнами. Мощный шквалистый ветер и дождь делали эту ловушку роковой.

Огромные волны швыряли шлюпки, как ореховые скорлупки, не давая им отдалиться от борта парома. У моряков не хватало сил выгрести против буйного напора ветра и волн, и вскоре шлюпки одна за другой стали переворачиваться вверх дном.

В холодном январском Ирландском море человек обречен на скорую и неминуемую гибель.

Ветер с оглушительным ревом гнал исполинские волны, которые захлестывали судно. Капитан и Уолтер понимали, что паром ведет безнадежную борьбу со стихией.

Примерно в 1:40 дня субботы из Донахади вышло спасательное судно «Сэр Самуэль Келли» и сумело добраться до терпящего бедствие парома.

Сражаясь с ураганным ветром и волнами, моряки смогли спасти всего тридцать три человека из ста шестидесяти пяти.

Бывший пилот, Уолтер предпочитал путешествовать по воздуху, а не по воде. Когда ему приходилось летать из Дакоты в Северную Ирландию, он всегда просил себе место впереди, шутливо объясняя, что если самолет разобьется, то он хочет погибнуть первым.

И в том, что смерть встретила его не в воздухе, а на море, крылась горькая ирония.

Он уже помог людям всем, чем только мог; и все пути к спасению были отрезаны – шлюпок больше не было. Уолтер незаметно удалился в свою каюту и стал ждать, когда море нанесет свой последний удар.

Долго ждать ему не пришлось, но, вероятно, эти минуты показались ему вечностью. Стекло иллюминатора в каюте Уолтера разлетелось на тысячи осколков под неумолимым давлением толщи воды.

Вскоре моего прадеда Уолтера, капитана «Принцессы Виктории» и еще сто двадцать девять человек команды и пассажиров поглотила бездна.

Они были всего в нескольких милях от берега Ольстера, почти в пределах видимости от дома Уолтера и Маргарет в Портаво-Пойнте.

Стоя в гостиной у окна, выходящего на море, видя, как по черному небу мечутся сигнальные огни береговой охраны, побуждая экипаж спасательного судна к энергичным действиям, Маргарет и ее семья могли только с тревогой ждать и молиться.

Но их молитвы остались без ответа.

Глава 4

В воскресенье, в 7 часов утра, спасательное судно вновь вышло из Донахади – после шторма море было неестественно спокойным. Спасатели обнаружили разбросанные обломки судна и подняли на борт тела одиннадцати мужчин, одной женщины и ребенка.

Остальных поглотило море.

В тот же день потрясенной горем Маргарет пришлось участвовать в ужасной процедуре – установлении личностей погибших, чьи трупы были размещены на набережной в гавани Донахади.

Тело ее любимого супруга обнаружено не было.

Маргарет так и не оправилась от горя и через год скончалась.

На заупокойной службе по погибшим в приходской церкви Бангора, где присутствовало более тысячи человек, епископ Дауна сказал, что Уолтер Смайле умер, как и жил: «Он был добрым, отважным и бескорыстным человеком, который жил согласно заповеди: «Человек должен заботиться не только о своем благе, но и о благе других».

Примерно за сто лет до этого дня Самуэль Смайле дописал последнюю страницу своей книги «Помощь себе». Она была посвящена рассказу о проявлении отваги и героизма – автор призывал англичан Викторианской эпохи следовать этому примеру. Этот образцовый героизм в высшей степени созвучен судьбе моего прадеда Уолтера.

Вдоль африканского берега шел парход, на борту которого находилось четыреста семьдесят два мужчины и сто шестьдесят шесть женщин и детей. Большая часть мужчин были рекрутами, лишь недавно приступившими к военной службе.

В два часа ночи, когда все спали в своих каютах, корабль налетел на подводную скалу и распорол о камни днище. Сразу стало ясно, что с минуты на минуту он пойдет ко дну.

Барабаны забили тревогу, и уже через несколько минут рекруты выстроились на верхней палубе. Был отдан приказ «спасать женщин и детей». Растерянных, беспомощных людей, даже не успевших одеться, выносили из кают и рассаживали по шлюпкам.

Когда шлюпки отвалили от борта, капитан сгоряча закричал:

– Все, кто умеет плавать, прыгайте за борт и плывите к лодкам!

Но капитан Райт из 91-го шотландского полка возразил:

– Нет! Тогда лодки с женщинами и детьми окажутся перегруженными.

И отважные мужчины остались стоять на палубе. Ни один не поддался страху, ни один не изменил своему долгу.

– Судно уходило под воду при общем молчании – ни ропота, ни рыданий! – рассказывал оставшийся в живых капитан Райт.

Судно затонуло вместе с геройским экипажем, и лишь в последний момент, уже скрываясь под водой, люди издали ликующий клич в честь торжества человеческого духа.

Честь и слава благородным и храбрым героям!! Пример таких людей никогда не умрет, они бессмертны потому, что бессмертна память о них.

В юности Уолтер наверняка читал книгу своего деда и знал эту историю. Невероятно волнующую.

Воистину, пример таких людей никогда не умрет, они бессмертны потому, что бессмертна память о них.

Глава 5

Дочь Маргарет Пэтси, моя бабушка, была в самом расцвете молодости, когда затонула «Принцесса Виктория». Газеты помещали статьи об этой трагедии, рассказывали о героическом самопожертвовании погибших.

Эти статьи заглушали боль Пэтси – на время.

Были проведены дополнительные выборы в парламент, сопровождавшиеся шумной кампанией в прессе по поводу трагедии, и вместо погибшего отца делегатом от Ольстера была избрана Пэтси.

Красивая и умная дочь заняла в политике место своего героического отца. Это был готовый сценарий для фильма.

Но жизнь – не кино, и девушке, ставшей самым молодым членом парламента от Северной Ирландии за все время его существования, суждено было заплатить за блеск Вестминстера ужасную дань.

Пэтси вышла замуж за Невила Форда, моего будущего деда – кроткого гиганта, у которого было семеро братьев и сестер.

Отец Невила был помощником епископа в Йорке и директором школы Хэрроу. Его брат Ричард, одаренный и спортивный ученик Итона, неожиданно для всех скоропостижно скончался за день до своего шестнадцатилетия. Другой его брат Кристофер во время Второй мировой войны трагически погиб в итальянском порту Анцио.

Но Невил выжил и процветал.

Признанный самым красивым юношей в Оксфорде, он был к тому же одарен блестящими способностями к спорту. Он играл в Высшей крикетной лиге графства; газеты превозносили его как великолепного отбивающего, выигрывающего один за другим иннинги благодаря своему росту больше шести футов. Но он думал только о том, чтобы жениться на обожаемой Пэтси.

Новобрачные поселились в деревенской тиши Чешира, и Невил был невероятно счастлив. Он поступил на фабрику по производству бумаги «Виггинс Тип», и вместе с Пэтси они счастливо зажили вдали от городского шума.

Но решение Пэтси последовать по стопам своего отца встревожило Невила. Он понимал, что это резко изменит их жизнь, однако дал свое согласие.

Вестминстер опьянял его молодую жену, и в свою очередь сам Вестминстер был опьянен яркой красавицей Пэтси.

Невил терпеливо дожидался ее дома в Чешире. Но тщетно.

У Пэтси начался роман с одним из членов парламента. Тот поклялся уйти от своей жены, если Пэтси оставит Невила. Это было обычное голословное обещание. Но щупальца власти уже крепко держали молодую Пэтси. Она решила уйти от Невила.

До конца своих дней она сожалела об этом решении.

Разумеется, ее возлюбленный так и не разошелся с женой. Но к этому времени Пэтси уже сожгла мосты и должна была как-то жить дальше.

Однако удар, которому предстояло потрясти нашу семью, уже был нанесен, и для юных дочерей Невила и Пэтси (Салли, моей будущей матери, и ее сестре Мэри-Роуз) мир перевернулся.

Для Невила уход Пэтси стал страшным ударом.

Вскоре за Пэтси начал ухаживать другой политик, Найгл Фишер, и на этот раз они поженились. Однако Найгл сразу стал изменять Пэтси.

Но она оставалась с ним и несла свое бремя, убежденная, что это наказание послано ей Богом за то, что она бросила Невила, единственного человека, который ее по-настоящему любил.

Пэтси растила дочерей и вела активную общественную работу. Так, она основала один из самых преуспевающих благотворительных фондов в Северной Ирландии – «Вумен кэринг траст», который до сих пор помогает женщинам заниматься музыкой, различными видами искусства и даже альпинизмом. (Страсть к альпинизму всегда была в крови в нашем роду!)

Люди любили и уважали бабушку Пэтси, которая унаследовала волевою натуру своих отца и деда. Но ее никогда не оставляло сожаление об ошибке, совершенной в молодости.

Когда родилась моя сестра Лара, бабушка написала для нее замечательное, очень трогательное письмо о жизни, из которого я приведу заключительный отрывок.

Наслаждайся мгновениями счастья, как драгоценностью, – они возникают неожиданно и опьяняют восторгом.

Но, конечно, в жизни будут и такие моменты, когда все кажется черным, – возможно, тот, кого ты очень любишь, обидит или разочарует тебя. Тогда жизнь станет казаться тебе слишком тяжелой и совершенно бессмысленной. Но всегда помни, что все проходит, ничто не остается неизменным... что каждый день приносит с собой новое начало и что, какой бы ужасной ни казалась тебе жизнь, в ней всегда есть место надежде.

Самое главное в жизни – это доброта. Старайся никогда не доставлять боль тем, кого ты любишь. Все мы совершаем ошибки, порой очень серьезные, но для твоего же собственного блага старайся никого не обижать.

Всегда думай о будущем, а не о прошедшем, но не забывай прошлое, потому что оно – твоя неотъемлемая часть, оно сделало тебя такой, какая ты есть. Но постарайся, молю тебя, постарайся извлечь из него хотя бы небольшие уроки.

Только под конец жизни Пэтси почти «воссоединилась» с Невилом.

Сейчас Невил живет поблизости от того дома на острове Уайт, где проходило мое отрочество и куда в старости приезжала к нам на лето Пэтси.

Они вместе ходили гулять и подолгу сидели на скамье, глядя на море. Но, несмотря на ее теплоту и нежность, Невил никогда не позволял ей сблизиться с ним.

Невил носил в своем сердце пятьдесят лет боли после их расставания, а такую боль невозможно забыть. Юношей я часто видел, как она вкладывает в его большую ладонь свои пальцы, и это было прекрасно.

Они преподали мне два очень важных урока: там хорошо, где нас нет, и за настоящую любовь надо бороться.

Глава 6

Мое раннее детство и летние каникулы во время учебы в школе проходили в портовом городке Донахади, в Портаво-Пойнте – в том самом доме, где мой прадед Уолтер жил, и недалеко от того места, где он погиб.

Я очень любил эти места.

Дом насквозь продувался морским ветром и был пропитан запахом соленой воды. Краны для воды отворачивались со скрежетом, старые кровати были такими высокими, что мне приходилось забираться в свою постель, вставая на остов кровати.

Я помню запах старого мотора «Ямаха» в нашей деревянной лодке, когда в тихую погоду отец перетаскивал ее на берег, чтобы покатать нас с сестрой в море. Помню долгие прогулки по лесу, цветущие в траве колокольчики. Особенно мне нравилось бегать и прятаться за деревьями, заставляя отца искать меня.

Помню, как однажды, когда я встал на скейтборд, моя старшая сестра Лара подтолкнула меня, я покатился вниз по дорожке и врезался в забор. Еще как я лежал в постели рядом с бабушкой Пэтси – мы с ней заболели корью, и нас временно переселили в садовый сарай, чтобы мы не заразили остальных.

Помню, как плавал в холодном море, как на завтрак нам каждый день давали яйца, сваренные в мешочек.

Собственно, там и зародилась во мне любовь к морю и к стихии.

Но тогда я этого не сознавал.

Когда начинались занятия в школе, меня привозили в Лондон, где мой отец состоял на политической службе. (Странно, а может, и не очень, что моя мать вышла замуж за будущего члена парламента, хотя на примере Пэтси могла убедиться в губительности влияния политической карьеры на личную жизнь.)

Мои родители поженились, когда папа уже уволился из Королевской морской пехоты после трех лет службы в чине офицера и занимался импортом вина. Затем он завел маленький бар в Лондоне и вскоре был избран в парламент от Чертей, южного района Лондона.

Но главное, отец отличался удивительно уравновешенным и спокойным нравом, врожденной добротой, благородством и чувством юмора, а потому заслуженно пользовался любовью окружающих. Однако позднее я вспоминал те годы в Лондоне как полные грустного одиночества.

Папа и мама, которая была его помощницей, много работали и часто задерживались до позднего вечера. Мне недоставало ощущения семейной жизни, уютной, спокойной и неторопливой.

Я с тоской вспоминал, как хорошо было жить с родителями на острове Уайт. Возможно, поэтому я плохо вел себя в школе.

Помню, однажды я так сильно укусил одного мальчика, что почувствовал во рту солоноватый привкус крови. А потом сидел и смотрел, как учительница звонит моему отцу и говорит, что в школе просто не знают, что со мной делать. «Ничего, зато я это знаю», – ответил отец и немедленно явился в школу.

Он поставил стул в середине спортивного зала, усадил учеников на пол и всыпал мне по первое число, в результате чего моя тощая попка стала темно-синей.

На следующий день, когда мы с мамой шли по оживленной улице, я незаметно высвободил из ее руки свою и убежал, но через несколько часов меня задержала полиция. Думаю, всеми этими выходками я просто пытался привлечь к себе внимание.

Стоило мне провиниться, как мама запирала меня в спальне. Потом ей стало казаться, что мне там душно, и она велела плотнику просверлить в двери несколько отверстий.

Говорят, нужда – мать всех изобретений, и скоро я сообразил, что если просунуть в отверстие крючок от плечиков для одежды, то можно отодвинуть задвижку и сбежать. Это стало моим первым опытом борьбы с неприятной ситуацией и поиска выхода. И эти навыки оченьгодились мне в дальнейшем.

Примерно в то время я страшно увлекся физкультурой. Каждую неделю мама водила меня в небольшой гимнастический зал для подающих надежды гимнастов, которым руководил незабываемый мистер Стерджес.

Занятия проводились в старом и пыльном сдвоенном гараже, на задворках жилого дома в Вестминстере.

Бывший военный, мистер Стерджес требовал от нас строгой дисциплины. Каждому из нас был назначен на полу свой «пяточок», где в ожидании нового задания мы обязаны были стоять по стойке «мирно». За провинности он жестоко нас наказывал. Казалось, он забывал, что перед ним шестилетние дети, но нам такая строгость даже нравилась.

Это вызывало у нас чувство своей непохожести на маменькиных деток.

Он выстраивал нас в линейку под металлическим турником, укрепленным на высоте семь футов³ от пола, и мы все просили:

– Поднимите меня, пожалуйста, мистер Стерджес!

Он поднимал каждого вверх и оставлял болтаться на турнике, а сам поворачивался к следующему мальчику.

Правила были простые: мы не имели права просить разрешения спуститься, пока все ребята не повисали на планке, как мертвые фазаны в кладовой. И даже потом ты должен был попросить:

– Пожалуйста, мистер Стерджес, спустите меня вниз.

Если же ты преждевременно падал на мат, тебя с позором заставляли встать на свой «пяточок».

Мне очень нравились эти занятия, я даже гордился тем, что никогда не просил тренера снять меня. Мама говорила, что ей тяжело было видеть, как я, тщедушный и жалкий, болтаюсь на турнике с лицом, покрасневшим от напряжения и решимости висеть до последнего.

Один за другим ребята падали с турника, а я из последних сил цеплялся за планку до тех пор, пока даже сам мистер Стерджес не решал поскорее опустить меня на пол.

Тогда я бегом возвращался на свое место, улыбаясь во весь рот.

«Пожалуйста, спустите меня, мистер Стерджес!» У нас дома эта фраза произносилась, когда речь шла о тяжелом физическом напряжении, строгой дисциплине и отчаянной решимости. Во время службы в армии привычка к этому порядку сослужила мне хорошую службу.

Так что, можно сказать, я с детства тренировался по полной программе – лазал по горам, висел на турнике, выдумывал способы сбежать.

И меня это увлекало.

Мама и сейчас еще говорит, что я будто воплощаю в себе одновременно и Робин Гуда, и Гарри Гудини, и Джона Баптиста, и даже террориста.

В детстве я очень гордился этим сравнением.

³ Фут – единица измерения расстояния, равна 30,48 см.

Глава 7

В те годы мне больше всего нравились вторники, потому что в эти дни после школы я приходил к бабушке Пэтси на чай и оставался у нее на ночь.

Помню запах в ее квартире – довольно причудливую смесь ароматного дыма сигарет «Силк кат» с запахом жареных бобов и рыбных палочек, которые она готовила мне к чаю. Но мне он очень нравился. Это было единственное место вне дома, где я не чувствовал тоски.

Когда мои родители уезжали, меня часто отправляли ночевать к чужой для меня какой-то старой леди; похоже, и она меня едва знала. (Думаю, это была соседка или знакомая родителей, во всяком случае, надеюсь, что так.)

Я ненавидел эти вынужденные ночевки.

Помню запах старой рамки, обтянутой кожей, с фотографией мамы и папы, которую я в отчаянии прижимал к груди, лежа в чужой постели. Я был слишком мал, чтобы понимать, что родители скоро вернуться.

В результате я усвоил еще один, очень важный урок на будущее: не оставляй своих детей, если они тяжело это переносят.

Жизнь человека вообще коротка и подвержена всяческим опасностям, а в детстве он еще более раним и беззащитен.

В раннем детстве и юности опорой мне была сестра Лара. После рождения Лары у мамы за восемь лет произошло три выкидыша, и она уже думала, что больше у нее не будет детей. Но вот она снова забеременела. Она рассказывала мне, что во избежание очередного выкидыша все девять месяцев беременности провела в постели.

И это помогло. Мама не дала мне погибнуть.

Однако она так измучилась за этот период, что была счастлива наконец-то разрешиться от бремени, и в результате Лара обрела долгожданного братца. Фактически, я стал ее ребенком. Лара всячески заботилась обо мне, и я страшно привязался к ней и полюбил всем сердцем.

Тогда как мама была занятой, «работающей» матерью, помогая отцу в избирательном округе и в других делах, Лара, по сути, заменила мне ее. Она сама кормила меня, с младенчества и до пяти лет. Меняла мне подгузники, учила говорить, потом ходить (поскольку она уделяла этому много внимания, я начал ходить очень рано), одеваться и чистить зубы.

Часто она заставляла меня проделывать вместо себя разные рискованные штуки. Сама она побаивалась их совершить. Или просто ей страшно хотелось посмотреть, что из этого выйдет. Например, съесть кусочек сырого бекона или без тормозов скатиться с горки на трехколесном велосипеде.

Она видела во мне восхитительную послушную куклу.

Вот почему мы всегда были с ней очень близки и дружны. Для нее я так и остался младшим братцем. И за это я ее очень люблю. Однако здесь таилось одно большое но: расти вместе с Ларой означало не иметь ни минуты покоя. С самого первого дня моего рождения, когда мать еще находилась в палате рожениц, она повсюду таскала меня и показывала всем и каждому – я был новой «игрушкой» моей сестры. И так продолжалось очень долго.

Сейчас это вызывает у меня улыбку, но я уверен, ее постоянная возня со мной, демонстрация моих возможностей перед окружающими и стала причиной моей страстной любви к тишине и одиночеству, которые дарят море и горы. Мне не нравилось излишнее внимание к моей персоне, я жаждал какого-то простора и самостоятельности и в итоге увлекся всеми этими безумствами.

Не сразу я понял, откуда у меня возникла такая тяга к девственной природе, но, скорее всего, она зародилась от близких отношений с отцом, которые я обрел на побережье Север-

ной Ирландии, и от стремления сбежать от любящей, но слишком властной старшей сестры. (Да благословит ее Господь!)

Теперь я могу подшучивать над этим вместе с Ларой, которая по-прежнему остается моим самым верным другом и союзником. Правда, она типичный экстраверт, с удовольствием выступает на сцене или участвует в различных телевизионных ток-шоу, тогда как меня больше тянет к тихой жизни с друзьями и семьей.

Словом, слава больше подошла бы Ларе, чем мне. По-моему, она прекрасно это сформулировала:

До рождения Беара я очень переживала, что являюсь единственным ребенком в семье. Я жаловалась папе и маме, что мне скучно и одиноко. Завидовала своим друзьям, у которых были сестры или братья. Появление Беара привело меня в восторг – правда, после того, как я пережила разочарование от того, что младенец оказался мальчиком, потому что мечтала о сестренке!

Но стоило мне увидеть его в детской кроватке, когда он отчаянно плакал, как я подумала: «Это мой ребенок. Я буду о нем заботиться». Я взяла его на руки, и он сразу затих. С тех пор я всегда таскала его с собой, пока он не вырос.

То, что мне приходилось расти в душном Лондоне, вполне искупилось поступлением в скауты в возрасте шести лет, чему я страшно обрадовался.

Помню первый день в отряде скаутов, когда я вошел и увидел ребят в тщательно выглаженных рубашках, украшенных наградами и значками. Я был тщедушным малышом, а по сравнению с ними почувствовал себя еще более маленьким и жалким. Но стоило мне услышать, как командир велел ребятам всего с одной спичкой зажарить сосиску, как я обо всем забыл и стал с интересом следить за всем, что происходило.

«С одной спичкой... Гм... Но она же горит совсем недолго», – озадаченно размышлял я.

И вдруг я увидел, что, оказывается, нужно было разжечь костер с помощью только одной спички, а потом уже зажарить на огне сосиску. Для меня это стало открытием.

Если бы кому-нибудь из тех ребят сказали, что однажды я займу пост главного скаута и что двадцать миллионов скаутов по всему миру будут считать меня важной фигурой, они бы умерли со смеху. Но дело в том, что свой малый рост и отсутствие уверенности в себе я всегда компенсировал силой воли и решительностью, а эти качества очень важны и для жизни в целом, и для скаута.

Так что в отряде скаутов я испытал чувство свободы и обрел отличных товарищей. Мы были одной семьей, и никому не было дела, у кого какое происхождение.

Ты был скаутом, и только это имело значение.

Мне это было по вкусу, и я стал более уверенным в себе.

Глава 8

Вскоре мои родители приобрели маленький коттедж на острове Уайт, и с пяти до восьми лет я ходил в школу в Лондоне, чего всегда ждал с ужасом, а каникулы проводил на острове вместе с родителями.

Работа папы это позволяла, потому что у членов парламента почти такие же длинные каникулы, как у школьников, а поскольку его избирательный округ находился между Лондоном и островом Уайт, по пятницам по дороге на остров он занимался решением каких-либо проблем жителей. (Возможно, это был не самый образцовый метод исполнения обязанностей депутата, но лично меня это очень устраивало.)

Я всегда мечтал как можно скорее оказаться на острове, который был для меня настоящим раем. Мама с папой постоянно пристраивали к нашему маленькому коттеджу какие-то помещения, и вскоре он стал нашим основным домом.

Зимой над островом постоянно бушует ветер, льют дожди; зато летом он становится похожим на спортивный лагерь, в котором полно моих сверстников, до сих пор остающихся моими самыми близкими друзьями.

Впервые я почувствовал себя свободным, предоставленным самому себе, целыми днями мог бегать на воле, исследуя остров. Еще одним радостным преимуществом жизни на острове было то, что совсем рядом с нашим домом жил мой дедушка Невил.

Он запомнился мне замечательным человеком, которого я любил всем сердцем. Дедушка был очень добрым, невероятно могучим и сильным, глубоко верующим человеком, но при этом любившим и ценившим шутку. И еще он обожал шоколад, хотя всегда ворчливо отказывался, когда ему дарили его. Но стоило тебе уйти, как большая плитка исчезала за считанные минуты.

Он прожил до девяноста трех лет и каждый день добросовестно делал гимнастику. Из-за двери его спальни доносилось бормотание: «Наклон, коснуться пальцев ног, выпрямиться и вдо-ох...» Говорил, что это самое главное для поддержания здоровья. (Я не очень понимаю, как в этот рецепт долголетия вписывались шоколад и тосты с маслом, но какая разница? Попробуйте прожить такую же жизнь, как он.)

Дедушка Невил скончался, сидя на скамье в конце нашей дорожки, ведущей к морю. Я до сих пор тоскую по нему: по его кустистым бровям, крупным рукам и крепким объятиям, по его теплу, его молитвам, рассказам, но, что важнее всего, он преподал мне блестящий пример того, как жить и как умирать.

Мой дядюшка Эндрю прекрасно сказал о Невиле:

В глубине сердца Невил оставался мальчишкой; отсюда его прекрасные отношения с ребятами. Его девизом можно назвать Энтузиазм, Ободрение и Любовь.

Он был церемониймейстером на похоронах Уинстона Черчилля и непринужденно чувствовал себя среди знати, но столь же естественно держался в любом обществе. Он жил согласно заветам Киплинга: «Останься прост, беседуя с царями, останься честен, говоря с толпой».

Он был отличным спортсменом и джентльменом до кончиков ногтей. Я никогда не слышал, чтобы он о ком-либо говорил дурно; никогда не видел, чтобы он совершал дурные поступки. Он был замечательным человеком во всех отношениях.

Такое же важное место в моей детской жизни на острове занимала и бабушка Пэтси, замечательная женщина с необыкновенной судьбой.

Но для нас она была просто доброй и любящей бабушкой, только очень ранимой. В старости она постоянно страдала от депрессии. Возможно, эта депрессия развилась в ней от сознания своей вины за измену Невилу, которую она совершила в молодости.

Видимо, это сознание вины и стало причиной того, что в качестве средства против депрессии у нее развилась склонность к покупке дорогих, но обычно совершенно бесполезных вещей, при этом она убеждала себя, что отлично вкладывает деньги.

Так, однажды бабушка приобрела старый разрисованный цыганский фургон и лавку, торгующую горячей пищей, чуть выше по дороге к нашему дому. Но без надлежащего ухода фургон стал дряхлеть и покрываться ржавчиной, а съестная лавка превратилась в ее собственный магазинчик, где продавали антиквариат и разную рухлядь.

Это, конечно, было несчастьем.

Помимо того что в лавке требовалось присутствие продавца (зачастую им становился кто-нибудь из членов семьи, включая Найгла, который обычно быстро засыпал на стуле перед лавкой, накрыв голову газетой), выяснилось, что держать магазинчик абсолютно нерентабельно. Но главное, он служил постоянной причиной смеха и источником шуток.

(Симпатичный шутник и проказник Найгл, второй муж бабушки, в свое время был весьма преуспевающим политиком. Во время Второй мировой войны он был награжден Военным крестом⁴, а потом занимал незначительный пост в правительстве. Но для меня он был добрым и милым дедушкой, которого мы все очень любили.)

Домашняя жизнь была бурной и весьма беспорядочной. Но это было естественно для моих родителей, особенно для мамы, которая, даже по ее собственным представлениям, была и остается довольно взбалмошной – в лучшем смысле этого слова.

Я привык характеризовать свою семью такой фразой: «Семья подобна сливочной помадке – мягкому лакомству с твердыми орехами».

Приятная сторона этой беспорядочной жизни состояла в том, что мы постоянно разъезжали и встречались с интересными людьми со всего света, которые тянулись к маме, – это стало для нас привычным. Либо мы забирались в старый фургон и ехали послушать какого-нибудь американского лектора, либо помогали в ее новом бизнесе – она занялась продажей блендеров и фильтров для воды.

Ели когда придется, не соблюдая определенного часа для завтрака и обеда. Из мусорного ведра извлекался пакет со свинными отбивными, что сопровождалось бессмертной фразой: «Они же еще совсем свежие!» (Даже если накануне папа выбросил их, так как они стали подозрительно серого цвета.)

Казалось, в отношении еды мама преследовала единственную цель – откормить нас словно на убой. Позднее это заставило меня кинуться в другую крайность: у меня развилось «нездоровое» стремление к здоровому питанию. (Хотя, вероятно, мне следует благодарить маму за мой «железный» желудок, который позволял мне без ущерба выносить длительные съемки передачи по выживанию. Так что благослови Бог все эти свинные отбивные!)

Окружающие, как правило, склонны были замечать лишь забавную сторону маминой взбалмошности, но для нас временами это становилось слишком утомительным. Это означало, что она всегда права, хотя некоторые ее представления или идеи определенно граничили с ненормальностью.

Частенько мы заставляли ее расхаживающей по саду с медным прутом. Она уверяла, что ей необходимо «заземлиться» из-за избытка электричества в доме. (Принимая во внимание тот факт, что у нас никогда не было электрообогревателей и что электроосвещение нам часто заменяли свечи, это заявление заставляло нас подозревать, что с нашей мамой не все ладно.)

⁴ *Военный крест* – военная награда третьего уровня в Британской армии.

Но это была наша мама, и за редкими исключениями мое детство проходило в радостной атмосфере любви и веселья, которую я стараюсь поддерживать уже в своей собственной семье.

Глава 9

Мама и папа встретились, когда маме было двадцать один, а папе – двадцать девять лет. Они несколько раз расставались, снова возвращались друг к другу и, наконец, сбежали на Барбадос и там поженились.

Отношения их были полны любви, хотя на характер мамы сильно повлиял развод ее родителей. У нее появился страх остаться одной, из-за чего она порой слишком опекала папу.

Поэтому, если мы с отцом собирались идти в горы или в море, приходилось исчезать из дома тайком, незаметно от мамы. (Что, понятно, обоим нам нравилось.) Это превращало наши вылазки в боевую операцию. В детстве у нас было множество таких операций.

Однако, когда я стал старше и мог уже планировать самостоятельные экспедиции, пусть и недалекие, мне становилось грустно, что мне приходится идти одному, без отца. Я знаю, как нравились ему наши путешествия, но его любящее сердце буквально разрывалось между мной и мамой.

У самого папы в детстве не было большой близости с родителями.

Его отец был усердный, но очень строгий офицер, дослужившийся до звания бригадира. Возможно, он получил это звание, пожертвовав уютной семейной жизнью. Мне точно известно, что папа очень тяжело переживал его холодность.

Мальчиком я всегда побаивался дедушку Теда. И как потом выяснилось, совершенно напрасно. Да, внешне он был строгим, даже суровым, но только теперь я понимаю, что ему были свойственны доброта и преданность, за что его и любили люди.

Больше всего меня пугали его огромные собаки.

Лет в шесть как-то раз я, сидя на полу, вздумал повозиться с одной из них. И она вонзила мне клыки прямо в лицо, поранив нос и губы.

Меня срочно доставили в больницу, чтобы наложить швы. Но маме показалось, что дежурная медсестра слишком долго возится с приготовлениями, поэтому она взяла дело в свои руки и сама зашила рану.

Кстати, у нее это получилось великолепно, и если мое лицо не рассматривать со слишком близкого расстояния, то швы незаметны, хотя нос слегка искривлен. Редактор американского журнала «Менс джорнал», когда я принес свою фотографию для обложки, со смехом предположил, что, вероятно, в юности я часто проигрывал бои в боксе. На самом деле это последствие того укуса.

Если дедушка Тед относился к маленькому папе довольно строго, то мама его была просто суровой. У нее была недобрая репутация человека сильного и не терпящего безрассудства, а безрассудство как раз и было характерным свойством моего отца. Поэтому у Дэдди выработалась резкая реакция на столь строгое и твердое воспитание – и однажды он стал неуправляемым.

Я слышал бесконечное количество историй о его проделках. Например, однажды он из окна своей спальни вылил целое ведро воды на свою старшую сестру и ее ухажера.

По существу, Дэдди так и остался мальчишкой. Это и делало его таким замечательным отцом, джентльменом и другом. В свою очередь, и я не очень стремился стать взрослым.

Помню, однажды, когда мы всей семьей катались на лыжах в Альпах, типичная шутка отца поставила нас в безвыходное положение.

Мне было лет десять, и я все ждал, когда папа заметит, что жившая в соседнем с нами номере отеля крайне степенная и серьезная швейцарско-немецкая семья так и напрашивается на розыгрыш.

Каждое утро они все вместе спускались вниз – мамаша с головы до ног в мехах, папаша в облегающем лыжном костюме с белым шарфом и их раскормленный и заносчивый тринадцатилетний сынок, вечно строивший мне рожи.

В отеле было принято, что если вы желаете завтракать в номере, то должны накануне вечером повесить на ручку своей двери листок с указанием своего номера и заказом меню. Отец решил, что будет очень забавно, если на нашем бланке заказать тридцать пять вареных яиц, шестьдесят пять немецких сосисок и семнадцать селедочек и повесить его на дверь этой семьи.

Зная, что мама страшно рассердится, мы ничего ей не сказали и, перед тем как ложиться спать, потихоньку выскользнули в коридор и повесили заказ на ручку соседней двери.

В 7 утра мы услышали, как отец соседнего семейства возмущенно отказывается от заказа. Поэтому на следующий день мы повторили свою шутку. И еще раз.

С каждым утром напыщенный фатер все больше выходил из себя и даже учинил скандал. Тут уж мама сообразила, в чем дело, и отправила меня принести свои извинения. (Не знаю, почему поручили извиняться мне, хотя все это затеял папа, но, думаю, мама надеялась, что из-за моего малого возраста мне меньше попадет.)

Во всяком случае, я чувствовал, что не стоит откровенно признаваться в нашем розыгрыше, и оказался прав.

С того момента, несмотря на принесенные мною извинения, я стал для их сына козлом отпущения.

Его издевательства достигли апогея в последний вечер. Я шел по коридору без куртки, в свитере и в лыжных штанах, обтягивающих ноги. Толстый прыщавый подросток вышел из своего номера и, увидев меня, решил, что на мне женские колготки.

Он насмешливо захохотал, стал тыкать в меня пальцем, называть девчонкой, уперев руки в жирные бедра. Презрев разницу в возрасте и комплекции, я накинулся на него, изо всех сил ударил и сбил с ног.

На шум из номера выбежал его отец и увидел, что его сынок сидит на полу и размазывает по лицу кровь из носа с преувеличенно громким ревом.

Видимо, чаша его терпения переполнилась, он затащил меня в наш номер и рассказал родителям о моем хулиганском нападении на его сына.

Отец прятал усмешку, но мама пришла в ужас, и мне здорово досталось.

Так закончились очередные каникулы нашей взбалмошной семейки.

Глава 10

Когда я был маленьким, к нам на Рождество часто приезжали тетушка Мэри-Роуз и дядя Эндрю (тоже в прошлом военный бригадир).

Помню, однажды Дэдди, взяв меня с собой, чтобы научить своим проказам, натянул на сиденье в их туалете упаковочную пленку. Это всегда было отличным розыгрышем. Но они восприняли это с огромным возмущением.

Поэтому Дэдди повторил свою шутку.

Кончилось тем, что после еще нескольких розыгрышей, которые наши гости восприняли как оскорбление, они решили покинуть наш дом раньше намеченного срока.

Но они не учли, что Дэдди ожидал этого и заранее вынул из их машины запальные свечи. В результате они долго сидели в машине со своим багажом и бесились от злости, тщетно пытаясь завести двигатель, который работал вхолостую.

Однако все равно тетушка и дядя всегда оставались близкими друзьями моей семьи и, как я сейчас вспоминаю, были со мной неизменно добры и ласковы. Я очень ценю их дружбу.

Дэдди, который изводил родственников своими проказами, на самом деле тоже их очень любил. Это подтверждает справедливость поговорки «Милые бранятся – только тешатся».

Полученное папой суровое воспитание заставляло его совершенно иначе относиться к своим детям. Не избалованный лаской и вниманием, он щедро оделял ими нас с Ларой.

Папе хотелось, чтобы мы видели в нем заботливого, любящего отца, с которым детям живется спокойно и уютно, и он действительно был самым замечательным отцом в мире. Я очень ему благодарен, и, хотя я потерял его довольно рано, когда мне было двадцать шесть лет, своим примером он успел подготовить меня к самостоятельной жизни.

Больше двадцати лет он провел в политике, был трудолюбивым рядовым членом парламента, одним из «заднескамеечников», и так и не пробился в высший эшелон властных структур. Да он к этому и не стремился.

Он предпочитал как можно больше времени проводить с семьей.

Сомнений нет, он любил свою работу и по мере сил старался облегчить и улучшить жизнь своих избирателей, но ему не доставало той жесткости и готовности ради карьеры шагать по трупам, которые столь распространены среди политиков. И благодаря его мягкому и добродушному нраву нам жилось весело и интересно.

Думаю, ему было предназначено стать прекрасным отцом.

Помню, например, как в начальной школе меня приняли в команду регби, где играли дети до девяти лет. Ну, честно говоря, меня назначили судьей на линии, поскольку для участия в игре я был еще слишком мал.

Так вот, однажды наш матч проходил в дождливый зимний день, и, вопреки обыкновению, на трибунах не было зрителей. Обычно посмотреть на школьный матч приходили хотя бы несколько ребят и учителей. Но в эту промозглую и ветреную погоду около площадки было пусто, если не считать одинокой фигуры.

Это был мой папа, он стоял под дождем и смотрел, как я, его сын, работаю в качестве судьи на линии.

Увидев его, я страшно обрадовался, но и смутился. Ведь я даже не был членом команды, и вот ему приходилось смотреть, как я бегаю взад-вперед с этим глупым флажком.

Но все равно его присутствие было для меня очень приятным.

Когда дали свисток на перерыв, для меня наступил важный момент. Я выбежал в середину поля с тарелкой апельсинов, а папа аплодировал мне, стоя на краю поля.

Такие моменты запоминаются на всю жизнь.

Еще я помню, как папа участвовал в матче по крикету, где отцы играли против сыновей. Все остальные отцы относились к игре серьезно, а мой папа, в старой африканской шляпе с широкими полями, побежал к бите и, нарочно зацепившись ногой за воротца, потешно растянулся на поле.

Мне очень нравилась эта юмористическая черточка в характере папы, да и окружающие ценили это в нем.

Я всегда с улыбкой вспоминаю о таких случаях.

Глава 11

Живо помню, как подростком я нашел старую фотографию папы, где он был снят новобранцем в десантных морских войсках. Он выглядел точно таким же, как я... только более умным и подтянутым, и волосы у него были разделены аккуратным пробором.

В альбоме эта фотография располагается рядом со снимком, где он вместе со своими товарищами десантниками поднимается вверх по северному, покрытому льдом склону горы Бен-Невис⁵: очень опасное место, если что-то случится.

Я спросил его об этом подъеме, и он рассказал, что как раз в тот день, когда была сделана эта фотография, он едва не погиб под валуном, который сорвался с высоты в двести футов над ним.

Валун прогрохотал всего лишь в футах от папы и, с размаху врезавшись в скалистый выступ, разлетелся на тысячи каменных осколков.

В тот момент он будто второй раз родился – так сказочно ему повезло. И все время внушал мне: «Никогда не полагайся на удачу – это подарок судьбы, а на всякий случай всегда продумывай запасной план».

Я часто применяю его совет в своей теперешней работе. Спасибо тебе, папа, если ты читаешь эти строки с того света.

Мальчишкой я обожал отправляться с ним в разные экспедиции.

Я вспоминаю о них и понимаю, что наши совместные приключения, будь то стремительный галоп на лошадях по берегу острова Уайт или подъем на крутые утесы острова, дарили ему восхитительное ощущение полной свободы.

В такие моменты нас связывала не только родственная, но и товарищеская близость.

Именно тогда я впервые ощутил тот сладостный и одновременно щемящий холодок где-то под ложечкой, который наполнил меня необыкновенным восторгом и подтолкнул снова и снова искать опасные ситуации, чтобы еще раз испытать это чувство. Некоторые называют этот холодок страхом.

Помню радость, испытанную мной как-то зимой, когда мы вместе с отцом совершали восхождение. Это всегда было таинственным приключением и зачастую сопровождалось осложнениями. Дэдди шепотом сообщил мне, что вершину утеса удерживают немецкие парашютисты, поэтому нам нужно взобраться на отвесный меловой утес высотой в сто пятьдесят футов незамеченными, и там уже забросать немцев гранатами.

На самом деле подразумевалось, что мы будем метать в старую скамью на вершине утеса комки замерзшего навоза. Здорово!

Какой великолепный способ провести холодный и ветреный зимний день, когда тебе всего восемь лет (и даже двадцать восемь)!

Мы с опаской спускались с горы, с головы до ног измазанные грязью, утомленные, задыхающиеся – но в отличном настроении. Мне нравилось ощущение на лице порывов ветра с дождем. Я чувствовал себя взрослым мужчиной, хотя был еще совсем маленьким.

Шагая по полям к прибрежным скалам, мы часто говорили о горе Эверест. Мне нравилось представлять, что, взбираясь на наши утесы, мы покоряем сам Эверест.

Мы осторожно поднимались по белому меловому склону утеса, воображая, что он покрыт льдом. Я нисколько не сомневался, что смог бы подняться и на Эверест, если бы он находился неподалеку.

Я понятия не имел, что такое Эверест, но мне нравилось мечтать вместе с папой.

⁵ Бен-Невис – самая высокая вершина о-ва Великобритания, высота 1343 м. Расположена в Грампианских горах (Шотландское нагорье).

Это были волшебные, сказочные годы. Близкие, товарищеские отношения с отцом, беззаботное веселье. До сих пор я с грустью вспоминаю о них. Как здорово было бы еще раз оказаться рядом с отцом и совершить очередное восхождение!

Думаю, поэтому я так волнуюсь, совершая со своими сыновьями туристические походы или подъемы в горы. В горах между людьми возникают особые связи. Поэтому меня тянет к ним так неудержимо.

Но мы не ограничивались одними походами в горы. Мы с папой частенько отправлялись в местные конюшни, нанимали за десять фунтов пару лошадей и верхом мчались по берегу, на который набегали высокие волны.

Каждый раз, когда я падал на мокрый песок и готов был разреветься, папа одобрительно аплодировал мне и уверял, что я медленно, но верно становлюсь искусным наездником. Таким образом он внушал мне, что невозможно стать опытным наездником, если не перенесешь множество падений, после которых упрямо встаешь на ноги и снова усаживаешься в седло.

Такова жизнь.

Глава 12

Однажды мы приехали в Дартмур, довольно дикую часть территории Англии в любой сезон, и остановились в маленькой гостинице, ежедневно совершая долгие пешие и верховые путешествия.

Это было в середине зимы, земля была покрыта снегом, и, помню, стоял сильный мороз.

Лицо у меня буквально окоченело, казалось, оно уже никогда не оттает. Я не чувствовал кончика носа – для любого человека, у кого нос длинный, как у меня (даже в десять лет), это было страшным ощущением.

Я не выдержал и заплакал; обычно отец сразу понимал, что дело худо и что мне нужна его помощь. Но он только посоветовал мне лучше укутаться и потерпеть. У нас настоящая экспедиция, так что ныть не время. А неприятное ощущение скоро пройдет.

Я перестал реветь, и он оказался прав. Я очень гордился тем, что, несмотря на свой малый возраст, преодолел страх и вынес сильную боль.

Такие моменты вселяли в меня уверенность, что я смогу стойко выдержать все, особенно (и это самое главное) когда я чувствовал себя замерзшим и полностью обессиленным.

Однако, если я пускался с отцом в эти авантюры, он никогда и ни к чему не принуждал меня, давая понять, что ожидает от меня мужества и выносливости. По мере того как во мне росла уверенность в своих силах, у меня возникало желание подвергнуть себя еще более тяжелым испытаниям, постепенно усложняя их.

Еще мы целыми днями возились с лодкой, выходили в море. Мама с самого начала их супружеской жизни старательно избегала садиться в лодку, если ею правил папа, объясняя это тем, что он слишком безрассуден. А мне нравилось быть безрассудным, и я мечтал, чтобы в тот момент, когда мы выйдем в море, разыгрался настоящий шторм.

Я мечтал когда-нибудь стать обладателем собственной моторки, носиться с ней по морю и возиться с мотором. Понятно, что о моторке не могло быть и речи; зато мы с отцом сами построили лодку: отличную маленькую восьмифутовую деревянную лодку с веслами и с мотором в полторы лошадиные силы, который подвешивался к корме.

Скорости лодки было недостаточно, чтобы преодолеть встречное течение, но я был счастлив. Мы оснастили ее самодельной системой тросов, соединенной с рулевым колесом, привинченным к скамье, и наконец-то я отправился в путь.

Я должен был встретить маму с папой в маленькой бухточке, которая находилась в нескольких милях дальше по берегу, – мне предстояло совсем немного пройти по морю, а остальной путь проделать пешком. Но я был в восторге от чувства свободы, происходившим от сознания, что я сам правлю лодкой.

Я все время уговаривал отца, чтобы он разрешил мне забрать у Лары ее подержанную парусную лодку «Лазер». Это был легкий, неустойчивый ялик с одиночным управлением, для которого требовался гораздо больший вес человека, чем тщедушное тело одиннадцатилетнего мальчика.

Я буквально наслаждался ощущением опасности, одиночеством, огромными волнами, брызгами, ударявшими мне в лицо.

Мне нравилось быть одному – только море и я, – но только до тех пор, пока я знал, что папа находится неподалеку и в любую минуту придет ко мне на помощь. (В основном так оно и происходило.)

И я чувствовал себя на вершине блаженства, когда возвращался в гавань, промокший до нитки, широко улыбаясь, с натертыми до мозолей ладонями и ноющими мышцами от натя-

гивания тросов, после плавания против сильного ветра, из-за которого остальные лодки уже вернулись к пристани.

У меня возникало ощущение, что я немного отличаюсь от ребят моего возраста и что если постараться, то смогу побороться со стихией и выйти победителем. Борьба со стихией представлялась мне самым естественным делом человека, и в эти мгновения я оживал. Эта борьба заставила меня стать самим собой.

Однако чем больше я вырослел, тем более сложным и далеким от природы становился окружающий меня мир, и я упорно искал ту цельность и ощущение себя, которые давали мне опасные приключения.

Короче, когда я был мокрым, грязным и замерзшим, я чувствовал себя настоящим героем; но стоило мне очутиться в обществе ребят, которые отчаянно старались казаться «крутыми», как я становился неуклюжим и неуверенным в себе. Грязь меня не отпугивала, но мне никогда не удавалось быть «крутым».

Поэтому я полюбил первое и избегал последнего.

(Однако подростком я все-таки отдал этой «крутизне» своеобразную дань: купил себе остроносые туфли и на протяжении долгих зимних месяцев слушал записи тяжелого рока. Но это не доставляло мне удовольствия, и вскоре я все это бросил просто потому, что надоело.)

Вместо этого я часто надевал самую плохую и грязную одежду (для меня – самую подходящую и хорошую) и стоял в саду под шлангом с водой, пока не становился насквозь мокрым – в декабре, – а потом в одиночестве совершал пробежку по холмам.

Местные считали меня ненормальным, но нам с моей собакой это нравилось. Это напоминало борьбу со стихией, и во мне росло возбуждение и восторг.

Однажды, возвращаясь после такой пробежки, я пробежал мимо девочки, которая очень мне нравилась. Мне было интересно, понравился ли ей мой грязный вид. Во всяком случае, это оригинально, думал я. Но она быстро перебежала на другую сторону улицы, оглядываясь на меня, как на сумасшедшего.

Я не сразу понял, что девочкам не очень нравятся неряшливые и грязные парни. И то, что мне казалось естественным и интересным, не обязательно бывает привлекательным для других.

Уроки жизни все еще продолжают.

Глава 13

Помню, однажды, когда мне было лет одиннадцать, один из моих друзей с острова Уайт подбил меня вместе с ним во время отлива перейти гавань вброд от одного края до другого.

Я знал, каково дно в гавани, и нутром чувствовал, что одолеть грязь и тину – дело нелегкое.

Вместе с тем это было очень заманчиво.

Перейти бухту, в которой располагалась наша гавань, несомненно, было подвигом: ее дно было покрыто толстым слоем грязи, илистой и липкой... и, конечно, это был абсолютно глупый план, безнадежный от начала и до конца.

Отойдя всего на десять ярдов от берега, я уже понял, что мы затеяли ерунду, но с тупым упрямством шагал дальше. Разумеется, к тому времени, когда мы одолели примерно треть пути, мы влипли, то есть буквально застряли в тине.

Черная, зловонная, липкая и скользкая грязь доходила мне почти до подмышек.

Мы затратили столько сил на пройденный участок, что скоро выдохлись, плохо соображали, и нам грозила реальная опасность.

Стоило нам сдвинуться с места, как мы увязали еще глубже, и меня охватила паника, как это бывает, когда ты понимаешь, что оказался в беспомощном положении.

Затем, по милости Божьей, произошли две вещи. Во-первых, путем эксперимента я обнаружил, что если «скользить» по этой грязи, а не сражаться с ней, то можно понемножку продвигаться. Что ж, уже хорошо. Поэтому мы медленно развернулись назад и начали буквально дюйм за дюймом прокладывать путь назад, к берегу.

Во-вторых, нас заметил человек, стоявший на берегу, и вызвал спасательную лодку. Вот когда я понял, что нас в любом случае ждут большие неприятности, независимо от того, выберемся мы на берег сами или нас вытащат.

К тому времени, когда появилась спасательная лодка, мы выбрались на берег, похожие на чертей, и смотались.

Моя мать уже знала о том, что произошло, а также о том, что к нам на спасение отправили лодку. Она велела мне немедленно вернуться в лодочный домик, обратиться к старшине спасательной службы, принести свои извинения и попросить им назначить мне наказание в виде какой-либо работы в службе спасения.

Это был хороший урок: знай предел своим силам, не ввязывайся в авантюру без надежного запасного плана и не поддавайся на уговоры, когда инстинкт подсказывает тебе, что это грозит опасностью.

Несмотря на это фиаско, с годами меня все больше тянуло к дикой природе и просторам. Поскольку моей матери никогда не нравились наши с папой походы, когда я подросток, мы с папой уже намного реже выбирались в совместные вылазки.

Кстати замечу: однажды, уже после того, как я прошел отбор в Специальную авиационную службу (САС), мне удалось выманить его в настоящие горы. Я предложил отправиться в национальный заповедный парк Брекон-Биконс в Южном Уэльсе и подняться на одну из вершин, куда мы неоднократно забирались во время военных маршей и испытаний.

Я договорился с сержантом Таффом, чтобы он встретил папу на железнодорожной станции Мертир-Тидфил.

– А как я узнаю сержанта Таффа? – спросил отец.

– Не беспокойся, узнаешь.

Тафф был военным до кончиков ногтей: невысокий, плотный, с приглаженными волосами и типичными солдатскими усами, закрученными вверх.

Тафф забрал отца, и я встретил их у подножия Брекон-Биконс. Горы скрывались за завесой метели. Мы поднялись до половины первой горы, но после опасной переправы через бешеный поток, в который превратился еще недавно так мирно журчащий ручей, я заметил, что у папы идет кровь носом.

Он выглядел очень бледным и утомленным, и мы поспешили спуститься вниз.

Мы провели в горах несколько замечательных дней, а когда вернулись домой, мама обвинила меня в том, что я едва его не убил, и категорически потребовала, чтобы я больше не затевал никаких «убийственных экспедиций».

Я понимал, что ее тревожит, но получилось так, что вместе с мыльной водой она выплеснула и ребенка, так как ее запрет лишал отца наших интересных приключений, которые он страстно любил.

Сейчас, когда папы уже нет с нами, мне грустно думать, что мы недостаточно насладились обществом друг друга в его последние годы. Но так уж случается в жизни.

Последнее настоящее приключение, пережитое мною с отцом, стало моим первым самым серьезным испытанием – и, несмотря на грозившую нам опасность, мне все это ужасно понравилось.

Возможно, из-за этой последней экспедиции мама и наложила окончательный запрет на наши совместные вылазки. Хотя, как и все великие приключения, началось оно совершенно безобидно...

Глава 14

Мы проводили отпуск на Кипре у тети с дядей. В то время дядя Эндрю был бригадиром всех британских военных сил на острове, и, думаю, занимая столь значительное положение, он очень опасался нашего приезда, в основном из-за склонного к проказам папы.

После того как мы несколько дней проскучали в гарнизоне, дядюшка с самым добродушным видом посоветовал нам развлечься в горах. Он заранее знал, что мы с папой с радостью ухватимся за это предложение.

Горы Трудос представляют собой небольшую горную цепь в центре острова, с заснеженными вершинами. Проходившие службу на Кипре солдаты проводят там учения и катаются на горных лыжах. В горах оборудованы две трассы для скоростного спуска, но в основном зимой там лежит девственный снежный покров.

Другими словами, они как нельзя больше подходят для приключений.

Мы с отцом попросили у солдат гарнизона, расположенного в горах, две пары лыж с ботинками и весь день с восторгом катались по двум наезженным трассам. Но вскоре это нам наскучило. Мы переглянулись и решили совершить спуск в стороне от лыжни.

Мне было одиннадцать, и для меня это была восхитительная игра.

Мы только начали спускаться вниз по глубокому пушистому снегу между деревьями, как погода внезапно ухудшилась.

Навис густой туман, видимость почти пропала. Мы остановились и попытались найти трассу или сообразить, как до нее добраться, но выбрали неверное направление и вскоре поняли, что заблудились или временно потеряли ориентировку на местности (как я позже стал это называть).

Мы с отцом совершили ошибку, типичную для людей, попавших в такую ситуацию, то есть пошли вслепую в тщетной надежде на чудо. У нас не было ни карты, ни компаса, ни еды, ни питья, ни мобильных телефонов, которые в ту пору просто еще не существовали, а значит, мы могли и не найти дорогу к жилью.

Нам угрожала серьезная опасность гибели.

Очень трудно брести по глубокому снегу, когда ты маленький, замерзший, промокший и уставший.

Минуты превращались в часы, и часам не было видно конца.

Скоро стемнело.

Мы с трудом продвигались вперед. Папа был встревожен, я это видел. Он привык к горам, но ничего подобного не ожидал. Он не предвидел возможности резкого ухудшения погоды. Это было его ошибкой, и он с горечью это сознавал. Мы продолжали спускаться и вскоре оказались в густом лесу, где снег был еще глубже.

Спустя какое-то время мы добрались до долины, и нужно было решить, в какую сторону идти, налево или направо. Папа решил идти налево. У меня было острое ощущение, что нам нужно свернуть вправо. Папа настаивал на своем, я – на своем.

Один голос против одного, и он уступил.

Ярдов через двести пятьдесят мы наткнулись на занесенную снегом трассу и с новым приливом сил двинулись по ней. Через милю она вывела нас на горное шоссе, а спустя минут десять нас подобрала машина, которая направлялась вверх.

Мы были спасены, но я едва дышал.

Примерно через полчаса машина остановилась у ворот гарнизона. Это произошло глубокой ночью, но я весь вибрировал от возбуждения и энергии.

Усталость как рукой сняло. Папа понимал, что я правильно определил направление, – если бы мы свернули налево, то до сих пор так и брели бы по снегу.

Я был невероятно горд.

Скорее всего, нам просто повезло, но той ночью я усвоил еще один важный урок: прислушивайся к внутреннему голосу. Интуиция – это голос разума.

Шагая между бараками, мы заметили оживление, необычное для будней ночи. Причина этому скоро выяснилась.

Появились сержант с солдатом и провели нас в домик старших офицеров.

Мы увидели моего дядю в военной форме, усталого и серьезного. Я заулыбался, за мной – папа. Я был возбужден. Ведь я спас нас от медленной смерти в результате переохлаждения. Мы были живы.

Нашу радость оборвали бессмертные слова моего дяди-бригадира:

– На вашем месте я бы не улыбался... В настоящий момент отделение горных спасателей в полном составе разыскивает вас в горах, им на помощь отправлены спасательные вертолеты. Надеюсь, у вас найдется объяснение, которое вас оправдает?

Естественно, у нас его не было, за исключением того, что мы проявили беспечность, а потом нам исключительно повезло. Но порой такое случается. А грозная фраза «На вашем месте я бы не улыбался» с тех пор вошла в фольклор Гриллсов.

Глава 15

Это были прекрасные, интересные годы. Но жизнь не может состоять из одних радостей, и это переносит меня к рассказу о школе.

Мальчиком я был полностью открыт миру и жаден до приключений, но при этом очень нуждался в тепле и любви родного дома. Это сделало меня совершенно неподготовленным к тому, что произошло дальше.

Родители решили, что английского мальчика будет правильно отдать в частную школу. Мне это казалось совершенным безумием. Я даже не умел завязывать шнурки ботинок.

Но родители считали, что воспитание в частной школе будет для меня самым подходящим, и с самыми лучшими намерениями отправили меня учиться и жить в школу, которая находилась далеко от дома. Я был в ужасе.

Когда мы подъехали к высоким воротам школы, я заметил слезы на папином лице. Это меня смутило – я не понимал, почему они все же решили отдать меня в эту закрытую школу. Инстинкт ничего мне не говорил, но что я мог знать? Мне было всего восемь лет.

Так я приступил к испытанию под названием «частная школа», к которому я совершенно не был готов.

Сказать по правде, мне приходилось очень трудно; конечно, в школьной жизни были свои радости и развлечения – например, сооружение крепости из снега, прием в теннисную команду, награждение морским значком, но, по существу, это была непрерывная и тяжелая борьба за выживание.

Труднее всего было справиться со страхом. Страх быть покинутым, страх, что к тебе станут приставать, задирают. Я действительно очень этого боялся.

Я понял, что сам не в состоянии справиться с этими страхами.

Надо сказать, что директор школы и учителя всегда относились к нам с добротой и заботливостью, но мне от этого не было легче.

Я очень быстро сообразил: для того чтобы здесь выжить, необходимо придумать какой-нибудь способ сопротивления, защиты.

Мой способ заключался в дурном поведении, обучению приемам драки с целью защиты от хулиганов, которые намеревались превратить меня в свою жертву. И еще я старался не думать о доме. Но это очень трудно, когда ты только и думаешь о том, чтобы очутиться дома.

Я отчаянно скучал по маме и папе и порой, когда тоска становилась особенно острой, утыкался лицом в подушку, заглушая рыдания, в то время как вокруг меня все спали. Впрочем, не один я плакал, но мы научились скрывать слезы, а тот, кто этого не делал, подвергался издевательствам и насмешкам.

Ребенком ты только и можешь, что плакать, пока слез уже не останется, и лишь потом постепенно приучаешься стойко и твердо переносить невзгоды.

Я встречаю много людей, которые говорят, что закрытые школы отлично закаляют детей. Мне кажется, что это не совсем верно. Я и до школы был закаленным. Я научился любить и понимать природу, умел заставлять себя преодолевать трудности.

Но, оказавшись в школе, я испытывал один только страх. Страх заставляет тебя внешне выглядеть крутым, жестоким, но внутри делает слабым. Это было совершенно не похоже на то, что я знал ребенком дома.

На примере отца я видел, как хорошо быть веселым, уютным, домашним, но, если понадобится, проявить волю и решительность. В школе я все это забыл и усвоил новые методы выживания.

А поскольку мне было всего восемь лет, порой я выбирал не самые удачные приемы.

Глава 16

Помню, как все мы в спальне считали дни (как заключенные!), оставшиеся до следующей «отлучки» или до конца недели, когда нас заберут домой.

Господи, как же долго они тянулись и как же незаметно пролетали счастливые дни пребывания дома!

Когда школа закрывалась на каникулы, какая это была радость, когда папа и мама приезжали первыми из родителей и когда я видел, как папа прижимается своим большим носом к окну нашего класса, соорудив глупую гримасу. Я смущался, но внутренне ликовал.

И напротив, какие душевные муки я переживал, возвращаясь в школу в воскресенье вечером. Легче было вынести отбор в САС... Так что мне было очень плохо, можете мне поверить.

По лицу папы, когда он отвозил меня в школу, я видел, что на душе у него еще тяжелее, чем у меня, и отчасти это утешало. Хотя я еще больше недоумевал: зачем же в таком случае меня определили учиться в закрытую школу?

Но еще больше, чем разлуки с домом, я боялся хулиганов.

Один или два старших, сильных парня выбирали себе жертвой несколько совершенно безобидных мальчиков. Драчуны превращали жизнь этих несчастных в настоящий ад. Они постоянно и безжалостно мучили и издевались над беззащитными малышами.

Став взрослым, я возненавидел издевательства сильных над слабыми. Стоит мне это увидеть, как я прихожу в ярость.

В том юном возрасте мне удавалось избежать опасности только потому, что я научился прятаться и не попадаться им на глаза. А желание съезжиться и спрятаться – дурные эмоции для ребенка.

Как и большинство страхов, от которых человек страдает и в старшем возрасте, все они основаны на боязни того, что может случиться, а не того, что действительно случилось.

Но, если не говорить о драчунах и тоске по родителям, на самом деле в школе было не так уж плохо, и мне повезло получить прекрасное образование в одной из лучших школ, что имелись в нашем округе.

Директор и его жена были очень достойными людьми, искренно любившими каждого ученика. Но школа есть школа, и самое главное в ней – то, что происходит за спиной учителя.

К чести школы необходимо сказать, что в ней я научился не только прятаться от хулиганов – нас действительно учили чувствовать себя маленькими гражданами с серьезными взглядами.

Нам разрешалось устраивать лагерь в лесу, учителя делали вид, что не замечают, когда мы крадучись убегали, чтобы соорудить себе еще и секретный лагерь в каком-нибудь отдаленном месте. Мы проводили настоящие чемпионаты по метанию в цель каштанов, предварительно неделями вымачивая их в уксусе, чтобы они затвердели. Раз в семестр у нас проходили чемпионаты по настольному теннису, к которым все относились с такой же серьезностью, будто это был Уимблдонский турнир.

Каждую субботу вся школа собиралась в зале, рассаживалась по скамейкам и смотрела классические фильмы времен Второй мировой войны на старой мерцающей пленке, после чего каждому выдавалось еженедельное угощение – плитка шоколада.

Я ломал ее на квадратики, растягивая удовольствие на несколько дней.

Все это было ужасно интересно. Казалось, будто мы живем в другом веке. Я уверен, что школа хотела создать у нас именно такое впечатление.

Это была «старая школа» в лучшем смысле этого слова.

Зимой мы катались на коньках по замерзшему озеру, но сначала бедный учитель латыни проверял крепость льда при помощи положенной на него лестницы. И меня в любую погоду отпускали совершать длительные экскурсии по окрестностям, что я всегда так любил. И учителя благополучно забывали о своем девизе «Здоровье и безопасность учеников».

Главное, нас учили заботиться друг о друге и мыслить благородно, а это очень важные для жизни качества, за что я до сих пор испытываю благодарность к моей школе.

Однако к концу пятилетнего пребывания в начальной школе я тоже осмелел и распустился. Однажды мы с одноклассниками слишком забылись, и нас застали с поличным. Я был замечен во время попытки проникнуть в дом заместителя директора с целью кражи его сигар, после чего в спальне под подушками у нас нашли сигары, а в ботинках для регби бутылки с пивом.

Директор школы прямо объявил нам:

– Достаточно! Еще один проступок – и вас исключат из школы.

Каплей, переполнившей чашу его терпения, стал момент, когда меня застали во время поцелуя с девочкой, дочкой директора школы, в которой мы остановились на ночь, возвращаясь из туристического похода. Самое смешное, что пострадал я совершенно безвинно.

Нас, пятнадцать мальчишек, устроили спать на полу в спортивном зале этой школы. А ночью дочка директора школы, подросток, под покровом темноты незаметно прокралась в нашу импровизированную спальню. (Отважная девочка осмелилась проникнуть в помещение, где было полно тринадцатилетних мальчишек!)

Я еще не заснул и случайно увидел, как девочка внимательно нас рассматривает, и вдруг она упала прямо на меня и прижалась губами к моему рту. В тринадцать лет я понятия не имел, что можно одновременно целоваться и дышать, поэтому вскоре я оттолкнул ее и стал судорожно глотать воздух. Она посмотрела на меня как на ненормального и убежала.

Но, выскочив из зала, наткнулась прямо на своего отца, который делал ночной обход, и, конечно, сочинила, что мы заманили ее в зал и что я попытался ее поцеловать!

Это было, как я сказал, последней каплей.

Меня и еще нескольких участников большинства наших лихих проделок вежливо попросили «оставить школу».

Но поскольку все это произошло в конце летнего семестра, не успели нас «исключить», как вскоре вызвали обратно. Родители провинившихся устроили совместный совет и пришли к выводу, что лучшим наказанием будет заставить нас провести в школе целую неделю летних каникул за учебниками по латыни.

И это дало желанные результаты.

Лично я это воспринял как истинное несчастье. И, навсегда покидая начальную школу, я принял твердое решение, что моим детям никогда не придется против желания уезжать для учебы из дома и что я сделаю все от меня зависящее, чтобы они росли, не зная страха.

Наверное, в бесплатной школе было бы не хуже, размышлял я.

Уж во всяком случае, там я не столкнулся бы с распутными директорскими дочками, которые наябедничали бы на меня.

Глава 17

Итонский колледж известен как лучшее учебное заведение в мире, поэтому учиться там престижно и немного страшно.

Но, как и всегда в жизни, здесь все зависит от тебя самого.

Лично мне действительно приходилось туго, но, с другой стороны, Итон помог мне сформироваться.

В отличие от многих привилегированных школ Итон ближе к университету, чем к колледжу. Там тебе предоставляют большую свободу – в том случае, если ты показал себя заслуживающим и достойным этой свободы. Мне этот подход нравился, поскольку позволял заниматься теми предметами, которые мне легко давались.

Но это было потом, а сначала...

Для нервного тринадцатилетнего мальчика Итон должен быть довольно внушительным и грозным заведением.

Я одновременно испытывал волнение и страх.

(Впоследствии благодаря множеству экспедиций и приключений я привык к такому смешению эмоций, но тогда впервые оказался в их власти.)

К счастью, я не единственный явился в колледж в таком состоянии. На самом деле мне очень повезло, что я оказался в окружении интереснейших личностей, что сыграло решающую роль в моем взрослении.

Я очень быстро обзавелся отличными товарищами, которые до сих пор остаются самыми близкими мне друзьями. Ведь это была дружба, завязавшаяся, так сказать, в траншеях, а ничто так крепко не сплавливает людей, как совместное сопротивление наглым задиркам или спасение бегством.

Поразительно, каким маленьким и незначительным чувствует себя в Итоне новичок. Старшие ребята кажутся ему богами, сказочными гигантами.

Эти гиганты уже бредутся, занимаются мастурбацией, их буквально распирает от гормонов, играющих в их крови.

В каждом «доме» живут пятьдесят мальчиков всех возрастов, от тринадцати до восемнадцати.

Новички по очереди приглашаются в общую комнату старших ребят (библиотеку), где их принуждают выполнить некий ритуальный обряд, представляющий собой плод странных и извращенных фантазий старших учеников.

Я оказался одним из первых. Как выяснилось позже, это было очень удачно – старшие ученики еще не вошли во вкус. Я отделался довольно легко – меня заставили только поцеловать бутылку с молоком.

Поскольку до этого я целовался только однажды (я имею в виду дочку директора школы, что было сущим кошмаром), мне не удалось продемонстрировать на этой бутылке особое искусство. Старшим скоро наскучило на меня смотреть, и меня отпустили, снисходительно приняв в свое сообщество.

Освоился я довольно скоро и, к счастью, скучал по дому гораздо меньше, чем в начальной школе. Располагая свободным временем и правом использовать его согласно своим «интересам», я понял, что вполне могу снова заняться своими любимыми приключениями.

С двумя самыми близкими товарищами мы забирались на могучие дубы на территории кампуса, находили обезьяньи тропы по ветвям, перелетая с дерева на дерево по воздуху, не спускаясь на землю.

Это было невероятно увлекательно и здорово.

Вскоре мы оборудовали на вершине одного из могучих дубов настоящее логово Робин Гуда с качелями из ветвей, разными блоками для подъема и балансирами для ходьбы по толстым ветвям.

Мы переходили на другой берег Темзы по высоким перекладинам над железнодорожным мостом, сооружали плоты из старых плит полистирола и даже спустили на воду старую ванну, намереваясь отправиться в ней в плавание по реке. (К сожалению, ванна почти сразу пошла ко дну, поскольку в нее поступала вода через сливное отверстие. Урок на будущее: проверяй лодку, прежде чем отправиться в плавание по большой реке.)

Мы подглядывали за хорошенькими французскими девушками, работавшими на кухне, и даже устроили на крыше наблюдательные пункты, откуда следили за ними, когда они возвращались после работы. Несколько раз мы пытались с ними заговорить, но безуспешно.

Помимо разных проказ и развлечений, приходилось много заниматься учебой и еще одеваться в нелепый наряд, в который входили фрак и жилет. Я терпеть его не мог и ухитрялся быстро придавать ему обтрепанный, мятый вид. С тех самых пор во мне укоренилась привычка небрежно относиться к любой приличной одежде. Благодаря этому я заработал от заместителя директора прозвище Скаг. На итонском сленге это приблизительно означало «человек неряшливого вида и не имеющий авторитета».

Глава 18

Школьные порядки запрещали нам пренебрегать своим внешним видом, и, даже если мы собирались просто заглянуть в соседний городок Виндзор, мы обязаны были надевать блейзеры и галстуки.

Из-за этого мы становились жертвами насмешек со стороны местных ребят, которые находили истинное удовольствие в том, чтобы избить итонских «франтов».

Однажды в Виндзоре я зашел по малой нужде в туалет «Макдоналдса», который находился позади строения у лестницы. Не успел я расстегнуть молнию, как дверь распахнулась, и вошли трое парней весьма грозного и агрессивного вида.

Обнаружив одинокого тщедушного и «наглого франта» из Итона, они просияли, как золотоискатели, наткнувшись на крупный самородок, и я сразу понял, что попался. (Мои товарищи ждали меня наверху, да и вряд ли смогли бы мне помочь.)

Я попытался выскользнуть, но парни оттолкнули меня к стене и расхохотались. Затем они начали обсуждать, что со мной сделать.

– Засунуть его башкой в унитаз, – предложил кто-то.

«Ну, в Итоне это со мной уже проделывали», – подумал я. Так что это меня не пугало.

Потом кто-то предложил сначала туда испражниться.

Это меня уже встревожило.

Затем поступило убийственное предложение:

– Давайте побреем ему лобок!

Нет большего унижения для подростка, чем допустить, чтобы посторонние узнали, что у него отсутствует этот признак возмужалости, как это было у меня.

Это решило дело.

Я внезапно набросился на своих обидчиков, одного отпихнул к стенке, другого в сторону, выскочил в дверь и помчался со всех ног. Они кинулись за мной, но, влетев в «Макдоналдс», я сразу оказался в безопасности.

Мы с друзьями ждали внутри, пока не убедились, что эти разбойники ушли. Потом осторожно, крадучись, вернулись по мосту в школу. (Думаю, мы прождали больше двух часов. Страх заставляет проявлять большое терпение.)

Много неприятностей доставлял нам, младшим ребятам, шестиклассник из нашего «дома». Хотя он был настоящим бандитом, я не стану упоминать его имя, ведь сейчас он, возможно, уважаемый женатый человек и бизнесмен. Но в те времена это был злобный, агрессивный парень с могучими мускулами, на которых выступали тугие жилы, кроме того, у него были маленькие бешеные глазки.

А нанюхавшись клея, он становился просто ненормальным.

У него была мерзкая привычка объявлять о том, что он вступил на тропу войны, оглушительным ревом в добытый где-то настоящий охотничий рог.

Одно время он выбрал себе в жертвы меня и Эдда, моего товарища из соседней комнаты, и, как только раздавался этот страшный рев, мы понимали, что пора смыться.

Помню однажды, услышав этот сигнал, мы с Эддом влетели в мою комнату и стали лихорадочно искать, куда бы спрятаться. Мы залезли в шкаф, скорчились там и молились Богу, чтобы он нас не нашел.

Рев рога все приближался, наконец дверь комнаты с грохотом распахнулась, и... настала тишина.

Мы боялись вздохнуть, а этот тип рыскал по комнате, тяжело дыша и бормоча проклятия.

Через какое-то время он прекратил переворачивать все вверх дном. Затем мы услышали, как он подошел к шкафу. Снова тишина.

Затем дверца резко распахнулась, и мы увидели своего мучителя с налитыми кровью глазами.

Мы закричали.

Он схватил нас за головы и сильно стукнул друг о дружку, отчего у нас потемнело в глазах. Несколько минут он швырял нас из угла в угол, а под конец применил к нам прием, который едва не вывихнул мне плечо.

Скоро ему это наскучило, и напоследок он пнул нас ногой, любезно объяснив, что это был прием ниндзя, после чего удалился.

И так изо дня в день. То преследование со стороны нашего главного мучителя, то тебя окунали головой в сортир, то отрывали от пола, держа за спортивные трусы, то прибивали вешалку для одежды к двери со стороны коридора...

Разница между страхом в Итоне и испытаниями в начальной школе заключалась в том, что здесь мне не приходилось встречаться один на один с этим демоном.

В Итоне мы держали оборону вместе с товарищами.

И каким-то образом все эти несчастья только укрепляли мой дух.

В конце концов все это мне надоело, и я решил во что бы то ни стало научиться защищаться.

Глава 19

Я поспешил записаться в секции карате и айкидо прямо в Итоне и полюбил особенности этих боевых искусств – сосредоточенность, чувство товарищества, а главное, овладение искусством борьбы, в которой против силы применяются хитрость и технические приемы.

Занятия меня страшно увлекали. Чтобы успешно овладеть этими видами борьбы, требовалось время и мотивация, а принимая во внимание охотничий рог, мотивация у меня была более чем основательная.

Вместе со мной в секции стали ходить и несколько моих товарищей. Сначала все они казались более подходящими, чем я, более сильными и гибкими, более плотного и крепкого телосложения, но через несколько недель они стали от меня отставать.

Порой, особенно зимой, очень трудно было заставлять себя в воскресенье вечером, когда остальные ребята играют в настольный теннис или смотрят телевизор, выходить в темный двор и тащиться в спортивный зал, где тебя два часа колотит ненормальный тренер.

Но я упорно продолжал ходить на занятия; для меня они стали чем-то вроде наркотика: я пристрастился к боевым искусствам, и очень рад, что занимался этим.

Однажды летом меня в составе команды каратистов Великобритании взяли в Японию. Это была мечта, ставшая явью.

Помню, мама провожала меня, и я взволнованно махал ей на прощание. Я был аккуратно одет в блейзер с галстуком, с пришитым к лацкану значком моей команды.

Там было полно ребят со всей Англии, занимавшихся карате, – никого из них я не знал.

Я сразу заметил, что они старше, крепче и смелее меня, и немного испугался. До Японии надо было так долго добираться!

Я тяжело вздохнул и уселся в уголке, чувствуя себя маленьким и жалким.

В нашей делегации были специалисты по борьбе карате самого разного типа – от лондонских таксистов до профессиональных бойцов. (Единственный выпускник Итона, попавший в команду, был Рори Стюарт, член парламента, который впоследствии прославился своим эпическим пешим переходом через Афганистан, а также тем, что в возрасте тридцати лет управлял одной из провинций оккупированного Ирака.) «Хорошенькая будет поездка», – уныло подумал я.

Но мне нечего было бояться, ребята сразу взяли меня под крылышко как самого юного члена команды, и посещение Токио для впервые уехавшего так далеко от дома подростка стало увлекательнейшим путешествием.

Нас отвезли в горы неподалеку от Токио, где разместили в тренировочном лагере.

Там мы стали обучаться и тренироваться под руководством сэнсэя Яхары, одного из самых уважаемых мастеров карате в мире. Ночью мы спали на полу в маленьких японских домиках, а днем занимались борьбой – настоящей и жестокой.

Тренировки были намного серьезнее тех, которыми мы занимались дома. Если мы допускали хоть малейшую ошибку в позе или стойке, то сразу получали сильный удар бамбуковой палкой дзё.

Мы быстро приучились даже в утомленном состоянии правильно вставать в стойку.

Вечером, после окончания тренировок, я спускался на две мили ниже по склону горы к маленькому домику у дороги, покупал хлеб, что-то вроде сладкого молочного кекса, и медленно съедал его по дороге в лагерь.

Затем я купался в горячем вулканическом ручье, давая расслабиться натруженным мускулам. И мне все это ужасно нравилось.

Потом мы вернулись в Токио, чтобы ехать домой, в Англию, и посмотрели там неофициальные тренировочные бои двадцати лучших бойцов в мире карате. Зрелище было захва-

тывающим. Стремительным, порой жестоким, но при этом в движениях угадывалась какая-то поэзия.

Я еще больше «заболел» этим видом боевого искусства.
«Когда-нибудь я тоже стану таким мастером», – мечтал я.

Никогда не забуду переполнявшие меня гордость и ликование в тот день, когда меня наградили черным поясом.

До этого момента я тренировался целых три года, по четыре-пять раз в неделю.

Наконец наступило время сдавать последние экзамены, и мама приехала посмотреть на меня. Вообще ей не нравилось видеть меня во время боя, в отличие от моих друзей по школе, которые обожали бои, и чем больших успехов я добивался, тем больший восторг им доставляли эти бои.

Но у мамы была одна странная привычка.

Вместо того чтобы стоять на балконе, выходящем в спортивный зал, она устраивалась внизу, среди тех, кто хотел лучше видеть все происходящее на площадке.

Только не спрашивайте меня почему. Она-то ответит, что не выносит, когда меня бьют. Но я никогда не мог понять, почему она не оставалась снаружи зала, если ей так тяжело это видеть.

Я уже знал, что логика часто отсутствует в поступках моей мамы, зато ее сердце было полно любви и заботы, которыми светились ее глаза.

Так или иначе, но это был великий день. Я исполнил все положенные упражнения, после чего настало время для кумите – часть борьбы за право носить черный пояс.

Судить бой вышел сэнсэй Еноэда, европейский мастер. Я был возбужден и напуган – в очередной раз.

Бой начался.

Мой противник (первоклассный регбист из соседнего колледжа) и я обменивались толчками, блоками и ударами, но настоящий прорыв к победе пока никто не совершил.

Внезапно я оказался зажатым в углу и инстинктивно (или от отчаяния) нагнулся, круто повернулся вокруг своей оси и угодил стремительным ударом кулака прямо в голову противника. Он рухнул на пол.

Это было очень плохо. Такой исход показывал, что я в плохой форме и не держу себя в руках.

А главное – твоя задача не сбить противника с ног, а победить с помощью ударов, едва касающихся его тела, совершенных с такой стремительностью и техникой, которые ударяют, но не причиняют повреждений противнику.

Я поморщился, извинился и помог противнику подняться. Затем я посмотрел на сэнсэя Еноэду, ожидая увидеть осуждение, но вместо этого был встречен восхищенным взглядом. Он был похож на мальчика, которому вручили неожиданный подарок. Я понял, что ему, как бойцу, пришлось по душе мой выпад, и, следовательно, я выдержал экзамен и заработал черный пояс.

Никогда я не испытывал такой гордости, как в тот день, когда наконец-то получил черный пояс – ведь я уже имел желтый, зеленый, оранжевый, красный, коричневый и прочие цветные пояса. И я добился этой чести собственными силами и тяжким трудом – черный пояс невозможно приобрести за деньги.

Помню, наш инструктор сказал мне, что в боевых искусствах главное не пояса, а дух; и я с ним полностью согласен... но в ту ночь я не мог заснуть без моего черного пояса.

Да, чуть не забыл сказать! С этого момента меня перестали травить и запугивать.

Глава 20

К концу пребывания в Итоне я стал одним из самых юных каратистов, награжденных черным поясом 2-й дан, а это более высокий ранг, чем черный пояс.

Я начал заниматься и айкидо, что мне очень нравилось из-за большого количества приемов захвата и бросков. Хотя меня, подростка, восхищала физическая сторона карате.

После колледжа и во время службы в армии я перестал тренироваться карате каждую неделю, в основном потому, что после армейских занятий я возвращался слишком уставший. Перспектива очередных соревнований казалась мне достаточно далекой, чтобы поддерживать себя на прежнем уровне. Вместо этого я при каждой возможности старался заниматься ниндзюцу, айкидо или йогой, чтобы поддержать спортивную и боевую форму. В этих искусствах физическая сила применяется гораздо меньше, чем в карате, но для совершенного овладения ими требуется целая жизнь (жизненный путь). И пока что я нахожусь в самом начале этого пути.

А ведь все это началось с устрашающего рева охотничьего рога и последовавших за ним усиленных тренировок в субботние вечера.

Пожалуй, стоит рассказать еще одну историю из школьных лет, связанную с карате, – как я заработал сомнительную славу, врезав по мошонке будущему убийце.

Одновременно со мной в Итоне учился непальский принц Дипендра, которому тоже нравилось карате. Мы часто тренировались вместе и подружились, хотя порой он вел себя довольно странно.

Однако в бою с ним мне следовало проявлять некоторую почтительность – как-никак он был членом королевской семьи и в своей стране считался едва ли не богом.

Вместе с тем во время боя Дипендра внушал настоящий ужас своими угольно-черными усами и длинными, стянутыми в хвост волосами, к тому же он отличался буйным нравом, был старше и сильнее меня. Поэтому я считал себя вправе сражаться с ним изо всех сил.

Так вот, во время одного из боев я выбросил руку вперед, целясь ему в живот, но рука срикошетила и со всей силой угодила ему прямо в мошонку.

Ужас!

Мои глубокие извинения ему не помогли, и он целую неделю едва переставлял ноги.

Он возвратился к себе на родину и лет через десять окончательно потерял рассудок. Однажды, во время семейной ссоры под влиянием наркотиков и алкоголя, принц впал в такую ярость, что застрелил почти всех членов королевской семьи, которые сидели за столом.

Это был самый черный час для королевства Непал.

Глава 21

Занятия карате открыли передо мной великолепные перспективы развития и укрепления моих физических данных, – меня возбуждал этот вызов.

Мне хотелось достигнуть большего.

Я начал заниматься бегом, но необычным. Тяжело нагрузив рюкзак, я бегал по ночам на длинные дистанции, исходя потом. Я изнурял себя, порой до рвоты. Я исследовал пределы своих физических возможностей и на этом пределе чувствовал себя энергичным и бодрым. Я никогда не был быстрее, сильнее или лучше других в каком-либо виде спорта, но это только еще больше меня раззадоривало.

Меня постоянно подстегивало стремление работать через силу, и я обнаружил, что, если придется, я сумею добиться многого. Не знаю, откуда и как зародилась во мне эта жажда, но она у меня была. Я называю ее «жаром».

Может быть, таким образом я пытался найти свое место в большом новом мире. Может быть, этот жар появился во мне в результате разочарований, испытанных в детстве. Точно не знаю; знаю только, что мне удавалось сделать то, что ни у кого другого в школе не получалось, и это было здорово.

В частности, в отношении подъемов на высоту. Но не в горах. У меня появилось новое увлечение – забираться ночью на самые высокие школьные здания и на шпили на крышах.

Мне это безумно нравилось.

Я облазил все запретные места в школе и в окрестностях и оказывался проворнее любого охранника колледжа.

Помню, как-то ночью я сделал попытку забраться на купол, который находился на высоте в сто двадцать футов от земли, на крыше огромного здания библиотеки в классическом стиле.

Купол был покрыт свинцом, гладким, как мрамор, но одно слабое место у него было – вдоль купола тянулся провод громоотвода.

Сэр Рэналф Финне, ученик Итона, участвовал в конкурсе на решение задачи, как забраться на этот купол, и наконец выиграл его, придумав стремянку с множеством маленьких струбцин, которые он позаимствовал из столярной мастерской школы.

Я считал, что можно подняться и без дополнительных приспособлений, если только провод выдержит тяжесть моего тела.

В ночь первой попытки погода была ясной, на небе сияли звезды, и я тихо крался из сада в сад, по стенам, по дорожкам и по ветвям деревьев, пробираясь к тыльной стороне здания. Со мной был сообщник, мой друг Эл.

Преодолев несколько крыш и водосточных труб, мы оказались недалеко от кровли библиотеки, откуда начинался купол. Но чтобы оказаться на самой крыше, до которой было шестьдесят футов, сначала предстояло забраться на выступающий вперед узкий карниз.

Для этого нужно было встать, опасно балансируя, на узкую воронку водосточной трубы, оттолкнуться, совершив большой прыжок, ухватиться за карниз руками и перебраться через него свое тело.

Это можно было совершить, лишь обладая отвагой и не боясь высоты.

Стоит промахнуться – и тебя ждало долгое падение на асфальт.

К тому же служба охраны натянула по краю крыши колючую проволоку, чтобы перекрыть доступ «верхолазам». (Видимо, это было сделано после предыдущих попыток Рэналфа Финнса взять крышу штурмом.) Но на самом деле колючая проволока только помогла мне подняться – было за что держаться.

После того как я перепрыгнул на крышу, наступил самый ответственный момент.

Определить начало громоотводного провода было легко – труднее было ухватиться за него.

Он выдержал мой вес, и я испытал бесконечную гордость, когда поднялся на крытую свинцом маленькую колокольню, черным силуэтом вырисовывающуюся в лунном свете, и рядом с инициалами Рэналфа Финнса вырезал на ее кровле свои инициалы «Б. Г.».

Такие мгновения торжества укрепляли мою уверенность в себе.

Я был не просто еще одним школьником, я был полон энергии и отваги, был самим собой, максимально использовал все свои способности.

И в такие моменты я понимал, что просто жизни себе не представляю без подобных приключений.

Думаю, я догадывался, что открыл в себе несколько своеобразные способности, но вместе с тем ощущение холодка под ложечкой будто говорило мне: «Так держать, Беар, так держать!»

Мой сообщник не полез через колючую проволоку, а нетерпеливо ждал меня внизу. Он сказал, что страшно переволновался, глядя на меня, и его признание сделало мое приключение еще более восхитительным.

На обратном пути мы благополучно прошли через сад одного из колледжей и тихонько добрались до середины следующего садика.

Мы присели на корточки за кустами в середине лужайки перед домом, выжидая момента, чтобы перебежать ее. Одно окно было освещено, очевидно, учитель работал, и мы решили, что пора отпустить его собаку поразмяться и справиться свои дела. Собака сразу нас учуяла, остервенело залаяла, и на ее лай выбежал учитель.

Решающий момент.

– Бежим! – шепнул я.

Мы сорвались с места и помчались в дальний конец садика.

К несчастью, учитель оказался инструктором бега по пересеченной местности, так что проявил необыкновенное проворство.

Он бросился за нами, развив страшную скорость. Последним препятствием была десятифутовая стена, и мы, подстегиваемые адреналином, преодолели ее одним прыжком. Учитель был бегуном, а не прыгуном, мы увернулись от него и бросились бежать в темноту.

Последний взлет по водосточной трубе, соскок в открытое окно спальни – и я рухнул в постель.

На следующий день я ходил, не в силах стереть с лица ликующую улыбку.

Глава 22

В колледже я получил еще одно прозвище – Обезьяна (в дополнение к Беар (Медведь), которым благодаря моей сестренке Ларе меня звали с детства).

Так меня стал звать Стэн, думаю, из-за моей любви к лазанью по деревьям и зданиям. Мне не очень нравилось мое настоящее имя Эдуард: оно казалось мне скучным и слишком напыщенным, поэтому меня устраивали и Беар, и Обезьяна – оба эти прозвища сопровождали меня и во взрослой жизни.

Учась в Итоне, я продолжал свои ночные вылазки, и вскоре об этом стало известно. Я даже надумал приглашать людей на мои экскурсии.

Помню одну из таких экскурсий, когда мы собрались пройти под всем городом по старому коллектору. Под мостом я обнаружил решетку, ведущую в эти кирпичные трубы в четыре фута высотой, которые были проложены под улицами.

Жутковато было спускаться в крошечную тьму, не имея представления, куда ведут эти трубы, к тому же там царило нестерпимое зловоние.

Мы захватили с собой факел и пачку игральных карт, чтобы всовывать их в щели между кирпичами, отмечая наш путь. Наконец мы обнаружили люк, крышка которого поднималась наружу, вылезли и оказались в маленьком переулке сразу за домом директора школы.

Мне это понравилось. «Вот откуда течет все дерьмо», – помню, шутили мы тогда.

Но я мечтал об обычных восхождениях на горы, и вместе с Миком Кростуэйтом, моим будущим товарищем по покорению Эвереста, мы помогали вернуть к жизни альпинистский клуб колледжа.

Огромная заслуга Итона в том, что он поддерживает своих питомцев в их самых разнообразных увлечениях, какими бы безумными они ни казались. Будь то коллекционирование марок, основание клуба вина и сыра, альпинизм или жонглирование – если ученик имеет такое желание, колледж окажет ему любую поддержку и помощь.

Итон нетерпимо относился только к лени и безразличию. Как только ты увлекался чем-либо всерьез, тебе прощались все прежние грешки. Мне это нравилось: такое отношение не только поощряло самые дерзкие начинания, но придавало человеку уверенности в себе, что было очень важно для дальнейшей жизни.

И вот Итон разрешил мне всего в шестнадцать лет посещать курсы будущих морских командос, с тем чтобы затем пройти отбор на звание офицера. Это были весьма напряженные трехдневные учения, во время которых мы занимались бегом, маршировали, совершали марш-броски с полной выкладкой, штурмы, учились уверенно ходить по натянутой проволоке (ну, это-то я умел!) и приобретали навыки командира.

В результате из двадцати пяти курсантов отбор прошли всего трое, в том числе я. В отчете говорилось: «Допущен к прохождению отбора: Гриллс физически развит, работает с энтузиазмом, однако ему необходимо избавиться от излишней беспечности». (К счастью для моей будущей жизни, я пренебрег этим советом.)

Удачное завершение курса вселило в меня уверенность, что в крайнем случае по окончании колледжа я смогу пойти по стопам отца и поступить в командос.

Еще мне повезло иметь фантастического заведующего пансионом, а хороший заведующий в Итоне определял очень многое.

Так вот, мне повезло.

Отношения с заведующим приблизительно такие же, как с директором маленькой школы. Он наблюдает за всей твоей жизнью в колледже, от спортивных и прочих игр до

твоего выбора экзаменов, и, несомненно, он лучше всех остальных знает твои хорошие и дурные стороны.

Короче, он играет решающую роль в воспитании учеников.

Мистер Квибел был типичным представителем учителей старой школы, но у него было два выдающихся качества. Это справедливость и любовь к ученикам, а для того, чтобы подросток научился себя уважать, оба этих качества в его наставнике совершенно необходимы.

Но, боже, как мы заставляли его страдать!

Мистер Квибел терпеть не мог пиццу и городок Слау.

Частенько мы заказывали на его адрес лучшую пиццу из Слау, но не одну или две, а сразу штук тридцать!

Когда у его дома показывался рассыльный, мы все прятались за шторами и выглядывали в щелку, наблюдая, как мистер Квибел сперва с ужасом, а потом с яростью набрасывается на бедного курьера и прогоняет его, запрещая даже показываться ему на глаза.

Мы дважды устраивали этот розыгрыш, но затем компания по изготовлению пиццы догадалась, в чем дело, и перестала выполнять наши заказы.

В Итоне мы, среди прочего, при желании могли изучать автомеханику. Выглядело это примерно так: мы находили старый драндулет, разукрашивали его, снимали глушитель и гоняли по полям, пока он не развалится.

Блеск!

Я нашел и приобрел за тридцать фунтов дряхлый коричневый «форд-кортина-универсал» и вместе с друзьями привел его в божеский вид. Поскольку нам было всего по шестнадцать лет, ездить по шоссе мы не имели права, но скоро мне должно было исполниться семнадцать, и я мечтал, что она будет моей первой законной машиной. Правда, для этого мне нужно было доставить машину в город для техосмотра, а потом отвезти в гараж. Поэтому со мной обязательно должен быть взрослый водитель с правами.

Я убедил мистера Квибела, что лучший для него способ провести воскресенье – это отвезти меня в ремонтные мастерские (которые находились в его «любимом» Слау). Накануне мне повезло отличиться во время игры в крокет, поэтому я числился у него на хорошем счету, и он согласился.

Однако стоило нам добраться до окраины Слау, как от двигателя валом повалил дым. Мистеру Квибелу пришлось на полную мощность включить обдуватели ветрового стекла, чтобы разогнать скопившийся в салоне дым.

Мы прибыли в мастерские с раскаленным докрасна двигателем, так что неудивительно, что машина не прошла техосмотр, причем механики заявили, что впервые видят машину в таком состоянии.

Автомобиль вернули для доработки, но этот случай показывает, каким добрым отцом был мистер Квибел для своих воспитанников, особенно для тех, кто по-настоящему к чему-то стремился. А я всегда был именно таким.

Не все мне удавалось, у меня не было каких-то особенных талантов, но любому делу я отдавался со всей страстью, а это дорогого стоило. Папа всегда говорил, что если я буду вкладывать в дело всю свою душу, то добьюсь успеха. Я всегда помнил его слова. И он был прав.

Другими словами, кому не нравится работать вместе с энергичными, увлеченными людьми?

Глава 23

Напоследок еще две истории из моих школьных лет... Одна из них о моем самом первом восхождении, совершенном зимой на самую высокую вершину Уэльса Сноудон, а вторая – о том, как я завоевал свою первую подружку. (Когда я говорю «подружку», имею в виду, что не раз целовал ее и что мы провели с ней около недели.)

Но сначала про Сноудон.

Поскольку восхождение планировалось на зимнее время, у нас с моим школьным товарищем Вэтти было в запасе целых два месяца, которые мы провели в подготовке и оживленном обсуждении экспедиции. Когда наконец пришло время отправляться в путь, наши рюкзаки оказались такими тяжелыми, что мы едва взвалили их себе на спину.

Урок первый: бери только самое необходимое, если не хочешь день и ночь таскаться по горам с тяжелым грузом.

Когда к вечеру пятницы мы прибыли в национальный парк Сноудон, было уже темно, и наша маленькая группа из нас двоих и молодого инструктора стала подниматься на гору навстречу оседающему туману. И, как это водится в Уэльсе, вскоре пошел дождь.

Под проливным дождем к полуночи мы добрались до небольшого озера, находящегося на половине пути к вершине, на берегу которого собирались устроить лагерь. Мы ужасно устали от того, что тащили тяжело нагруженные рюкзаки, и наспех поставили палатки. Это были старомодные палатки в форме буквы «А», не приспособленные к местным зимним ураганам, которые нужно было растягивать на колышках, и, как и следовало ожидать, часа в три ночи случилось неизбежное.

Внезапно раздался треск – это сломался один из кольев, поддерживающих верх палатки, и часть полотнища тента провисла внутрь.

Ну и ну!

Но мы слишком устали, чтобы вылезти и заменить сломанный кол, поэтому понадеялись, что как-нибудь обойдется.

Урок второй: сама собой палатка не приведется в порядок, каким бы уставшим ты ни был и как бы тебе этого ни хотелось.

Конечно, следом за первым под напором ветра треснул и второй кол, и не успели мы опомниться, как уже лежали, накрытые тяжелым мокрым брезентом, до нитки промокшие, озябшие и совершенно несчастные.

Последний и главный урок, усвоенный нами в ту ночь, гласил: устраивая лагерь, помни поговорку «Поспешишь – людей насмешишь» и никогда не считай напрасным время, затраченное на обустройство надежного лагеря.

На следующий день мы добрались до вершины Сноудона, мокрые, замерзшие, но счастливые. Мое самое яркое воспоминание об этом восхождении – это как я раскурил трубку, одолженную у моего деда, и мы курили ее по очереди с Вэтти и нашим инструктором, укрываясь за пирамидальным пиком от страшного ветра.

Горы привлекали меня не только потому, что удовлетворяли мою рано проявившуюся страсть к сильным ощущениям, но и тем, что в них стираются все различия между людьми.

Мы, как равные, курили трубку вместе с нашим инструктором, что еще раз подтверждало мою инстинктивную догадку об особом характере крепкой дружбы, которая возникает между людьми в тяжелых испытаниях, в данном случае в горах. А это самое главное, что может быть в жизни.

(Еще лучше было то, что Вэтти приготовил табак в домашних условиях и для аромата пропитал его яблочным соком. Позднее из этого же яблочного сока мы сделали сидр, выпив которого Чиппер, парень из нашего «дома», отключился на целые сутки!)

Если сегодня меня спросят, почему мне так нравится покорять горы, я отвечу, что не ради адреналина и не для славы. В горах ты ощущаешь с людьми такую мощную и тесную связь и взаимопонимание, какие трудно найти в обычной жизни. Мне нравится, что в горах одежда и волосы становятся грязными и спутанными; мне нравится, что горы требуют от тебя полного напряжения сил, заставляют тебя сражаться, бороться. В них люди чувствуют себя полностью раскованными, свободными, они способны от души смеяться над какими-нибудь пустяками, подолгу наслаждаться закатом или следить за игрой пламени в костре.

И эта принадлежность к единому братству делает человека очень сильным.

Ну а теперь перехожу ко второй истории, касающейся девушек.

Вернее, их недостатка.

Глава 24

При всех достоинствах Итона ему серьезно не доставало девушек. (Если не считать француженок, работавших на кухне, ради которых по вечерам мы торчали на крыше и поджидали, когда они пройдут мимо.)

Так что, кроме изредка навещавшей своего отца, преподавателя класса кларнета, красавицы Лейлы, поухаживать было не за кем. (Кстати, я сам был безумно влюблен в нее, но она вышла замуж за одного из моих лучших друзей по Итону, Тома Амиса, и все ему страшно завидовали. Прекрасная была пара! Но мы отвлеклись.)

Как я сказал, в остальном нам просто не на кого было глаз положить.

Все мы переписывались с девушками, которых едва знали и видели только один раз, но, если честно, эти знакомства носили характер романтических бредней.

Вот я действительно познакомился с довольно симпатичной девушкой, которая, как я узнал, посещала школу, расположенную сравнительно недалеко от Итона. (То есть примерно в тридцати милях.)

Однажды в воскресенье я попросил у приятеля его древний проржавевший велосипед с одной передачей и отправился к ней на свидание. Час за часом я кружил по городку, разыскивал ее школу, и ехать становилось все труднее, не только в смысле управления велосипедом, но даже крутить педали, так как заржавленная цепь едва проворачивалась, скрипела и стонала.

Наконец, весь покрытый потом, я добрался до ворот школы.

Оказалось, что это школа монастырская, которой заведуют монахини.

Ну что ж, подбадривал я себя, во всяком случае, они наверняка добродушные и легко меня пропустят.

Это было моим первым ошибочным заключением.

Встретившись с девушкой в заранее оговоренном месте, мы пошли бродить по чудесному лесу. Я собирался с духом, чтобы обнять ее за плечи, но тут позади послышался свист и пронзительный крик.

Я обернулся. К нам бежала монахиня, она-то и кричала, в сопровождении громадной немецкой овчарки.

Девушка испуганно посмотрела на меня и велела спасаться бегством, что я благодарно и сделал. Мне удалось убежать, и я пустился в обратный путь на этом несчастном велосипеде. Я с трудом прокручивал педали и думал: «Бедная Нора! Вот уж не думал, что выйдет такая история».

Но я не сдался.

Вскоре я узнал, что отличная возможность познакомиться с девушками имеется у членов Итонского клуба «Строберри крикет». В эту команду записывались неплохие игроки в крикет, которые не хотели заниматься этим видом спорта всерьез.

Дело в том, что они проводили встречи не с другими школьными клубами, а с командами из местных жителей, для поддержки которых являлась вся женская половина городка. Матчи проходили невероятно интересно, к тому же наши игроки появлялись на поле в ярких розовых футболках, и все вместе воспринималось как веселое развлечение.

Я оценил идею и сразу записался в этот клуб.

У нас установился обычай, что игрок команды, который первым подходит к бите, предварительно должен выпить некоторое количество спиртного, которое команда выпрашивала, одалживала или воровала заранее.

В том матче, о котором идет речь, первым был я; из чьей-то спортивной сумки была извлечена огромная банка с сидром. Я опустошил ее, вышел на поле и занял свое место, стараясь твердо держаться на ногах.

В воздухе просвистел первый мяч, я широко замахнулся битой и ловко отбил его. «Отлично! – подумал я. – Попробуем повторить».

В воздухе показался второй мяч, и, пытаясь его отбить, я промахнулся, силой инерции меня закрутило, после чего я рухнул на пятую точку. Позор!

Я ушел с поля и встал у кромки. И тут обратил внимание на красивую девушку в легком летнем платье, которая пила из банки колу и улыбалась мне. Из-за проклятого сидра я и так едва стоял на ногах, а теперь они стали просто ватными.

Мы разговорились. Я узнал, что ее зовут Татьяна и что ее брат играет в команде наших противников. Мой рассказ о том, как я отбивал мяч, здорово ее развеселил.

В довершение всего оказалось, что ей двадцать лет, то есть на два года больше, чем мне, и что учится она не в школе при монастыре, а в университете в Германии.

Назавтра был уик-энд, то есть свободные от занятий дни, и я планировал с десятью школьными друзьями съездить домой на остров Уайт. Я храбро спросил Татьяну, не согласится ли она поехать с нами. (Во мне играло возбуждение от моего провала и сидра, и я сам себе не верил, что осмелился ее пригласить.)

Она согласилась, и не успел я опомниться, как мы оказались у нас дома. В тот день родители куда-то уехали. И мы оказались одни – десять моих товарищей и эта красивая девушка, которая почему-то ни на шаг от меня не отходила.

Для меня все это было в новинку.

Выходные прошли изумительно. Тридцать шесть часов я только и делал, что целовался с Татьяной, и она даже провела в моей постели целых две ночи.

Просто невероятно!

К сожалению, затем она вернулась в Германию, и на этом наш роман закончился. Думаю, у нее появился новый кавалер.

Но на самом деле подобная удача редко выпадает ребятам, которые учатся в мужской школе. А если такое и случается, то остается только благодарить свою счастливую звезду.

Глава 25

Помимо знакомства с девушками, в последние годы пребывания в школе я обрел веру в Бога, и она так глубоко укоренилась в моей душе, что с тех пор никогда меня не покидает.

Я очень благодарен за этот дар. Вера дала мне настоящий якорь в жизни и втайне поддерживала меня в многочисленных приключениях.

А пришла она ко мне очень просто, в один из обычных школьных дней, когда мне было всего шестнадцать.

Мальчиком я находил веру в Бога чем-то естественным. С этой верой мне было очень уютно и спокойно: я не задавался никакими вопросами и воспринимал Христа как своего близкого друга, с которым я делился своими радостями и горестями.

Но в школе мне пришлось слушать множество церковных служб на латыни, которые монотонно бубнили священники, и я вдруг подумал, что, вероятно, не совсем верно понимал веру.

Может, Бог вовсе не был сокровенным, все понимающим другом, с которым ты доверчиво беседуешь в душе, а больше походил на церковь... был таким же нудным и утомительным, нетерпимым и требовательным, и даже ненужным.

На самом деле, если все это можно сказать о церкви, то сама вера – дело совсем иное. Но я беспечно и без лишних размышлений отбросил от себя вместе с этой скукой и прелесть истинной веры. Если церковь вызывает отвращение, то и вера не лучше, решил я.

Внезапно возникшее заблуждение, что поскольку я уже вырос, то теперь должен «верить» как взрослые, отняло у меня бесценную, естественную, инстинктивную веру, которую я знал ребенком.

Ведь что, собственно, ребенок знает о вере?

Так что в школе я относился к ней довольно равнодушно, как вдруг смерть моего крестного Стивена заставила меня по-настоящему задуматься и вновь обрести мою веру в Бога.

В жизни часто происходят события, которые дают толчок для размышлений о том, кто ты есть и для чего живешь на этом свете.

Стивен был самым близким другом моего отца, а мне – вторым отцом. Он приходил к нам на все семейные праздники и летом почти все выходные проводил у нас на острове Уайт, ходил на лодке вместе со мной и отцом. Он скончался совершенно неожиданно и скоропостижно, от сердечного приступа, который застал его в Йоханнесбурге.

Я был глубоко потрясен его смертью.

Помню, я забрался высоко на дерево, уселся на ветку и произнес самую простую, идущую из глубины сердца молитву:

– Прошу тебя, Господи, утешь меня! Развей мою тоску...

И Он помог мне.

С тех пор я стараюсь жить так, чтобы ничто – ни викарии, ни церковь – не смогли смутить и усложнить мою чистую и простую веру. И чем больше я узнавал о христианской вере, тем больше понимал, что, по существу, она очень проста и бесхитростна. (Какое облегчение я потом испытал, когда узнал, что в мире существуют большое количество общин верующих, связанных искренними, чистыми и преданными дружескими отношениями, и это мне всегда помогало и поддерживало меня!)

На мой взгляд, христианская вера воплощает в себе нравственные устои и моральную поддержку, утешение и прощение, силу духа и любовь, но почему-то от большинства из нас ускользает истинный смысл веры, и обычно мы скорее с раздражением думаем о религиозных фанатиках или о Боге из наших бесконечных школьных молитв.

Никто в этом не виноват, просто так уж устроена жизнь. Но мы всегда должны быть открытыми и великодушными, чтобы однажды всем сердцем откликнуться на просьбу о помощи.

Странно, но я не встречал человека, который не нуждался бы в любви, в поддержке или в прощении. Вместе с тем я знаю многих равнодушных к религии людей. Я испытываю к ним огромное сочувствие. Но так делал и сам Иисус. Собственно, Он не только сочувствовал, а делал гораздо больше. Скорее, кажется, что Иисус явился на землю с целью разрушить культ религии и подарить людям жизнь.

Вот то сокровенное, что я обрел подростком. Христос приходит, чтобы освободить нас, подарить нам жизнь во всей ее полноте. Он существует для того, чтобы прощать нас, когда мы допускаем ошибки (а кто из нас не ошибается?), и быть главной опорой нашего существования.

Вера в Бога всегда служила мне мощной поддержкой, придавала сил идти вперед, когда я ослабевал. Нет ничего удивительного в том, что в ту ночь, когда я сидел на дереве, почувствовал, что наткнулся на нечто важное и прекрасное.

Я нашел призвание своей жизни.

Я в большом долгу перед некоторыми близкими школьными друзьями, особенно перед теми, кто в первое время помогли мне укрепить мою веру. Они помогли мне, направляли меня на верный путь и с тех пор всегда находятся рядом со мной: это замечательные ребята Стэн, Эд и Том.

А остальные мои товарищи по школе – Мик, Эл, Вэтти, Хьюго и Сэм – считали, что это моя вновь обретенная христианская вера есть только бесполезная трата времени, когда речь идет о девочках!

Кстати, о девушках. Если это представляет для вас интерес, то признаюсь: только благодаря вере я не тронул ту девушку, что ездила со мной на остров Уайт, а лишь целовался с ней. (Хотя, честно говоря, мне стоило больших усилий устоять против искушения!)

И хотя все мои друзья сочли меня ненормальным, я принял тайное решение сохранить свою невинность для будущей жены.

Но это уже совершенно другая история...

Глава 26

Вот таким был для меня Итон, и сейчас я вспоминаю о нем с огромной благодарностью за прекрасное образование, которое он мне дал; испытываю глубокую признательность папе, который много и напряженно работал, чтобы иметь возможность отправить меня в этот колледж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.